

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА
ЧУЖИЕ БОГИ

Роман

Часть первая

Новокузнецк
2013

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Ч 49

Чернышева Анна Анатольевна

Чужие боги : роман : часть первая / Анна Чернышева ; [ответственный за выпуск – Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – 80 с. : ил., портр.

©Анна Чернышева

На первой странице обложки – древнеегипетский бог Анубис

ЧЕРНЫШЕВА Анна Анатольевна родилась 1 мая 1975 г. в Новокузнецке. Закончила исторический факультет Кузбасской государственной педагогической академии. Инвалид. Передвигается на коляске. Достаточно тесное общение с КЛФ «Контакт» с 2001 года. Первая публикация – сказка «Босиком за Василисой» – в сборнике «Люди в квадрате: Проза "Контакта"» (Новокузнецк, 2004). В 2008 году Новокузнецким полиграфкомбинатом выпущена книга исторических и мистико-исторических рассказов Анны Чернышевой «Будущие воспоминания». В 2010 году КЛФ «Контакт» выпустил книжку исторических и фантастических рассказов Анны «После дождя».

Глава первая ПОД СОЛНЦЕМ ЕГИПТА

Нижний Египет. 525 год до нашей эры.

Огромные, как горы, штормовые валы с грохотом разбивались о скалистый берег. Всегда ярко-голубое Средиземное море катило тяжёлые тёмно-зелёные волны, низкое мрачное небо прорезали ядовитые языки молний. Пена кипела между камнями, клочьями уползала обратно в воду.

Обломки финикийской ладьи кружило волнами, швыряло на скалы. Среди пены и щепок иногда появлялся силуэт человека. Он стоял на крохотном выступе скалы, прижавшись спиной к огромному гладкому камню. Волны скрывали его с головой и снова откатывали. Он держался из последних сил.

Арсам, родственник грозного персидского царя Камбиза, чья держава была крупнейшей в известном ему мире, чудом выжил, когда ладью разбило о рифы. Он успел в последний момент спрыгнуть в воду и выбрался на этот осколок скалы, но оказался в безвыходной ситуации, оступился, нога застряла между камнями. Он не мог даже шевельнуться. Так и стоял: грудью встречая удары тяжёлых волн.

Перс был молод, широкоплеч, крепок, с мощным торсом, густые, смоляные кудри спадали до плеч. Арсам промок, дорогие яркие одежды были изорваны в клочья. Во рту было горько от морской воды, застрявшая нога болела. Но перс был спокоен, уверенный, что скоро попадёт в рай.

Время шло. Он устал смотреть на бурю и закрыл глаза. Тело затекло, в голове шумело и бухало, ему хотелось вспомнить перед смертью что-то самое главное. Но в голове вертелась только шелуха неоконченных дел. Отец всё хотел его женить, да так и не убедил завести семью. Теперь его мечты никогда не сбудутся.

Ахеменид открыл глаза, нахмурился. Нет, надо что-то делать! Попытался освободиться, боль ударила молнией, перехватила дыхание. Нога застряла намертво. Арсам вертел головой, ища спасения. У самого лица волна ударила в камень острой щепой от весла. Он едва успел увернуться, схватил обломок. Когда вода отхлынула, перс сунул его в щель рядом с ногой и налёг изо всех сил. Камни сдвинулись, разжали тиски. Оказавшись на свободе, Арсам набрал воздуха, нырнул, как мог глубоко, к самому дну, туда, где волны стремятся обратно от скал.

Течение подхватило его и понесло с такой силой, что он едва сумел выплыть, чтобы вдохнуть глоток воздуха. Море кидало смелого пловца,

как ветер пушинку. Он потерял из виду скалы, кругом была одна вода. Обрывки водорослей и пена неслись над головой, неожиданно, мелькало дно... камни... камни... клочок неба... вспышка молнии... Арсам задышался, глотал воду, всё слилось в мутно-зелёную массу...

Зыбкая муть расступилась, перед персом открылся большой сумрачный тронный зал дворца мидийских царей. Навстречу шагнули громадные чёрные каменные Шеду. Он уже видел такое, когда наяву входил в этот зал в первый раз; тогда ему объяснили, что огромные, в три человеческих роста крылатые каменные быки только кажутся движущимися, благодаря третьей передней ноге. Но теперь чёрные Шеду не останавливались, с жутким грохотом скакали по плитам пола... Вдруг расправили свои необъятные крылья, оттолкнулись и поднялись в воздух; тяжело шумно полетели прочь. Мгновение, и их поглотила тьма... Пустой зал наполнился душным жаром, прохладный сумрак дворца в Экбатанах сменило песочно-жёлтое сияние, стало тесно от появившейся толпы незнакомых высоких смуглых людей... Нет, не людей! Вместо обычных человеческих шеи гигантов венчали головы соколов, ибисов, собак, быков и жутких зубастых чудовищ. Все кошмарные морды были повернуты к Ахемениду, пасти оскалены, глаза изучали его с угрозой...

Арсам очнулся от боли, всё тело ломило. Не было сил даже шевельнуться, открыть глаза, дышать было тяжело. Тошнотворно пахло гниющими водорослями. Сознание возвращалось медленно, постепенно он понял, что лежит вниз лицом на острых камнях, но ему было всё равно.

Кто-то потянул спасшегося за плечо и перевернул на спину. Он слышал незнакомую речь, но не мог открыть глаз. Его ударили по лицу. Перс застонал и с трудом поднял тяжёлые веки. Над ним склонились двое мужчин. Один был грузный, лысый, гладко выбритый, с тщательно подведенными сурьмой глазами, краска так странно смотрелась среди его морщин. Перса поразили размеры мясистых ушей старика. Второй – ещё подросток, худой и костлявый, такой же лысый как старик. На обоих из одежды были только странные длинные узкие юбки.

Арсам пошевелил губами, но слов не получилось – то ли хрип, то ли рык. Перс кашлял и плевался морской водой. Старик деловито ощупал его мускулы, как верблюда на базаре, и удовлетворённо хмыкнул. Он долго что-то объяснял парню, пока тот радостно не закивал. Незнакомцы перетащили перса на циновку и куда-то поволокли. Кровь царей кипела от возмущения, но он мог только рычать. Над ним плыло белое от жары небо, ни облачка, ни деревца. Арсам опять потерял сознание...

Душную темноту наполнил едкий чёрный дым, перс хватал воздух ртом, но он не шёл в грудь, обжигал горло. Щипало глаза, Арсам всматривался сквозь слезы. Из непроглядной темноты возникли

огромные ворота. Они то ли стояли на земле, то ли висели над ней. Обе створки были плотно закрыты. Возле ворот Ахеменид различил две высоченные фигуры, но снова это были не люди, а странные уроды с человеческим телом и звериными головами. Сквозь колышущиеся клубы дыма он даже не мог понять, на кого похожи чудовищные видения. Звериные морды торчали из пышных чёрных париков, широкоплечие фигуры были неестественно длиннорукими и худыми. Между ними виднелся маленький тщедушный человечек. Он кланялся гигантам и бормотал что-то странное:

– Я – тот великий, кто создал свой свет. Я пришел к тебе, Осирис, слава тебе, Осирис.... В силе и мощи в Ро-Сетау. Поднимись в могуществе в Абидосе, Осирис!.... Ты обходишь небо, плывешь в присутствии Ра....

Арсам устал прислушиваться к невнятному бреду несчастной фигурки, приблизился, чтоб лучше было слышно.

– ...проложи ему путь в Большую Долину. Освети путь Осирису! – разобрал перс.

Жутковатые стражи налегли на тяжёлые створки, ворота едва приоткрылись, а мгновение спустя и вовсе исчезли вместе с гигантами. Маленький человечек пошёл дальше в темноту, и любопытный Арсам устремился за ним. Ему показалось, что дымная завеса стала прозрачней. Впереди он увидел две длинные тропинки, огибавшие удивительное озеро, тёмная вода которого горела ярче любого костра. Красные отблески пламени освящали одинокую человеческую фигурку, замершую на распутье. Ему было над чем задуматься. На обеих тропинках путника ожидали жуткие уроды, на взгляд перса довольно мало отличавшиеся от тех, что охраняли ворота, – полулюди, полужвери. Тщедушный опять забормотал:

– Владыка двух истин! Я пришел к тебе, о, господин мой!... Тот, чьи близнецы любимые – Два Ока, Владыка двух Истин, – таково имя твое...

Никем не замеченный, перс всюду следовал за бормотавшим человечком. Тому явно было очень страшно, он буквально трясся на каждом шагу... Казалось, он немного успокоился, укрывшись под сенью жидких пальм, даже присел отдохнуть. Арсам приблизился к оазису. Здесь дышалось легче, не было видно мрачных уродов. Перс решил, что тяжкая дорога подошла к своему концу, но тщедушный со вздохом поднялся и поплёлся дальше. Он всё шёл, шёл, мимо смутно различимых холмов, отпирая огромные ворота с помощью непонятных слов.

Ахеменид успел холодно отметить, какой тяжкий бред его мучил. Но не мог вырваться из его плена.

– ...Я знаю тебя, знаю имена сорока двух богов, которые находятся в Чертоге двух Истин, – все бубнил тщедушный. – ... Которые пьют кровь в этот день испытания в присутствии Уннефера...

Дымная тьма разом рассеялась, отступая перед ослепительно солнечным светом. В яркой желтизне перс различил длинный высокий зал. Всё здесь казалось персу странным и непонятным. Но он не стал осматриваться, не мог отвести взгляд от фигуры высокого стройного человека, восседавшего на троне в дальнем конце зала. Над его головой сиял солнечный круг, который и заливал всё своим жарким светом. Маленький человек, за которым всюду следовал Ахеменид, торопливо направился к величественной фигуре. Он снова заговорил, и опять Арсам не мог понять смысла его речей.

– Я не совершал несправедливости против людей. Я не притеснял ближних... я не отравлял. Я не делал того, что неуютно богам. Я чист... чист... чист...

Арсам устал от бессмысленных звуков, стал вертеть головой, присматриваться сощурившись. Снова зал был полон странных величавых гигантов. Один из них с длинной шакальей головой в вытянутой руке держал весы, внимательно глядя на неподвижные чаши. Арсаму показалось, что в одной из них бьётся живое человеческое сердце. Он брезгливо отвернулся, но тут же пожалел об этом, наткнувшись взглядом на новое чудовище, страшнее всех уже виденных. Задними лапами оно походило на очень большую свинью, грудь и передние лапы были львиными, а вытянутая тёмно-зелёная голова клала огромную пасть с ужасными зубами...

– Кто ты такой? – услышал Арсам раскаты грома над своей головой. – Зачем ты здесь?

Солнечный гигант говорил на неизвестном языке, но теперь перс ясно понимал каждое слово.

– Я Арсам, из рода Ахеменидов! – гордо шагнул вперед перс.

– Тебе здесь не место! Убирайся!!! – грохотал гигант....

Сияние померкло, видение исчезло, сознание возвращалось медленно, мучительно. Липкий жар не отпускал. Арсам с трудом поднёс к лицу тяжёлую руку. Провел ладонью по лбу, мокрому от пота. Медленно открыл глаза, но ничего не увидел в плотной темноте. Осторожно повернул мучительно гудящую голову, светлее не стало.

– Ночь, – удивился Арсам.

– Сегодня новолуние, самая тёмная ночь, – услышал он приятный женский голос, уловил нежный аромат душистого масла.

Новое виденье возникло чёрным силуэтом на фоне узкого проема. Одной рукой женщина отодвинула край циновки, заменявшей дверь, другой держала крохотную плоску с горящим маслом. Свет от неё колебался и едва разгонял тьму, почти не освещая лица вошедшей.

Она говорила по-мидийски, но перс знал этот язык, он приходился дальним родственником и прежним царям Мидии. Арсам приподнялся на локте и всмотрелся в темноту, смог различить только её силуэт.

– Где я? – хрипло спросил он.

– В Египте, – просто ответила незнакомка.

– Это город? Фивы? Мемфис?

– Это имение номарха. Но столица недалеко, если плыть по реке.

– Кто ты? Как тебя зовут? – расспрашивал перс.

– Мой муж местный номарх, – уклонилась от ответа дочь Мидии. – Он прислал меня, потому что я знаю языки, чтобы сказать тебе, что ты теперь его вечный раб.

– Я?! Никогда! – возмутился Арсам, – Я из Ахеменидов! Я родственник царя всех народов! Мы никогда не были рабами!

– Кир не смог завоевать Египет. Фараоны не подчиняются Ахеменидам, – мягко возразила женщина.

– Это ненадолго, – надменно заявил перс, – Камбиз завершит дело Кира, и станет фараоном Египта!

– Но пока ты раб моего мужа и должен смириться с этим.

– Никогда! – повторил Арсам и отвернулся.

Женщина тихо ушла. Перс снова остался один. Глаза привыкли к темноте. Он стал различать светлые стены, узкую щель двери, колонны, поддерживающие потолок. К одной из них он был прикован за ногу. Перс зарычал от бессилия, ударил кулаком в стену. Зашуршала, осыпаясь, старая штукатурка.

– Не умеют строить, – отметил Арсам, – хоть бы узнать, что это вообще за помещение. Неужели, подвал для рабов.

Слово «раб» клинком рубануло по сердцу. Перс опять ударил в стену. И усмехнулся, найдя неожиданное утешение:

– Не густо пленников у этого номарха, раз я здесь один-одинешенек! Хозяин попался какой плохонький!

Ночь он провел без сна, гордость и гнев не давали Ахемениду сомкнуть глаз.

– А как хорошо всё начиналось! Меня ждало великое будущее. Сам Кир позавидовал бы такому началу! И я сам, сам всё испортил! Захотел, видите ли, плыть на первой же лодке, первым ступить на египетскую землю, вот и вступил! Дурак! Водой прельстился! Почувствовал себя владыкой морей! А теперь – когда ещё Камбиз предпримет новое наступление?! Сколько ещё мне оставаться рабом?!

Он зло плюнул на пыльный пол. И повторял с отчаянием:

– Раб! Раб!

Наступления утра он не заметил, в комнату без окон не проникали жаркие лучи солнца...

Глава вторая ПРИХОТИ БОГОВ

Арсам услышал голоса, кто-то отодвинул тяжёлый полог, и из дверного проёма хлынул ярко-жёлтый солнечный свет. Перс сощурился, прикрыл глаза рукой.

В комнату вошли его старые знакомцы – старик и костлявый подросток, их шеи украшали массивные золотые ожерелья и длинные нитки бус, а лысые головы – чёрные плотные парики из верблюжьей шерсти. Руки были унизаны широкими браслетами из лазурита. Вся одежда состояла из длинной уложенной в хитрые складки льняной юбки, на ногах были сандалии из грубой кожи. За ними следовали две женщины. Одна была древней старухой, согнутой и сморщенной как коряга, тоже в чёрном шерстяном парике. Она смотрела на пленника водянистыми глазками без ресниц, брезгливо морщила крючковатый нос, облизывала тонкие губы, показывая мелкие жёлтые зубы. Арсам её и не замечал, он жадно всматривался в черты второй женщины. Ей было едва больше двадцати, в её больших тёмных глазах жила грусть. Двигалась она плавно и мягко, во всей её полной фигуре было что-то кошачье. Тонкие египетские ткани облегали её стан мягкими складками. Руки обвивали золотые браслеты, а шею пять рядов бус из сердолика и яшмы с застёжками в форме соколиных голов. Густые чёрные волосы венчала изящная диадема из лазурита и золота. Её концы соединялись на затылке двумя шнурами с кисточками. Персу показалось, что он уже давно знал эту женщину или, может быть, видел во сне.

Старик критически осматривал пленника, поглаживая свой бритый подбородок, дряблую шею. Он что-то сказал, старуха принялась спорить и махать руками. Арсам догадался, что номарха зовут Херихор, а старуха – Убаинер, его мать. Ахеменида интересовало совсем другое, но имени молодой женщины он так и не узнал.

Старуха смачно плюнула на пол и ушла, Херихор победно выпятил грудь, сказал что-то жене повелительным тоном и удалился, полный важности, вместе с сыном. Женщина осталась, Арсам улыбнулся ей и попробовал встать, но цепь на больной ноге позволила только сесть у колонны.

– Муж велел тебе сказать, что ты остаёшься в его доме и будешь строить гробницу, – произнесла она тихо, перс с удовольствием отметил, что она смущена и прячет глаза.

– Для него я не только построю гробницу, но сам его похороню, – заявил он.

– Египтяне строят свои гробницы задолго до смерти.

– Жаль.

– Муж велел тебе учить египетский язык.

- И кто будет меня учить? – лукаво спросил Арсам.
- Здесь никто не знает твоего языка. Муж приказал мне обучить тебя.
- Я готов, – белозубо улыбнулся перс.
- Я приду позже, – потупилась женщина.

Она вышла, Ахеменид проводил её долгим взглядом; теперь гордый перс согласен был остаться в доме номарха. Он просто не мог никуда уйти от этих глаз.

– Видно, я, правда, попал в царство Ахримана, – хмурился перс, – то он насылал на меня странные сны, словно видение из ада, то искушает женскими прелестями. Зря я всё не верил, что любая женщина создана духом разрушения, нам на погибель.

В одиночестве Арсам осмотрел распухшую ногу, зло помянул демонов и дёрнул цепь изо всех сил. В глазах долго стояла темнота, но острая боль постепенно ушла. Осторожно пошевелил ногой, к счастью, всё было в порядке.

- Хорошо, это только вывих. Теперь бы ещё цепь убрать.

Он подёргал массивные медные кольца.

- Крепко, хотя медь, конечно, не железо...

Закончить мысль ему не дали, опять послышалась египетская речь, и в полумрак комнаты вошли Херихор и ещё один мужчина. Маленький, щуплый, в пыльном парике. Перс расправил плечи, встретил их презрительной улыбкой. Египтянин указал на ногу своего раба. Лысый мелко закивал, зашептал, пошёл к пленнику, но наткнулся на холодный взгляд перса и остановился опасливо. Хозяин махал руками, явно бранясь. Напустился на вошедшую жену, долго, громко возмущался, даже ногами топал. Она молча слушала, а когда он закончил, женщина обратилась к персу.

– Муж требует от тебя почтения и повиновения, – произнесла она так мягко, что Херихор дёрнул её за руку, опять стал кричать.

– Он говорит, – продолжила женщина, не дослушав мужа, – что ты его хенуу – раб и должен повиноваться со смирением.

В статной фигуре Ахеменида было столько же смирения, как дождя в пыльной буре. Он встал, скрестил руки на груди.

– Не стоит его злить, Херихор может убить тебя, – женщина не смогла скрыть симпатии к пленнику.

Муж собрал лоб в складки, почесал свой отвислый живот. Раб смотрел на него с презрением.

– У вас, как я слышал, рабы слишком дороги, чтобы их убивать, – равнодушно заметил Арсам, – честь Херихора не стоит так дорого.

Дочь Мидии вся вспыхнула, её муж не понял слов, но почувствовал оскорбление. Он сжал кулаки и двинулся на перса. Ахеменид смерил его взглядом и расхохотался. Египтянин разевал рот, как рыба на суше, но не

знал, что сказать. Жена принялась его успокаивать. Потом повернулась к персу.

– Скажи, что признаешь Херихора своим хозяином и поклянись своими богами служить ему. Тогда с тебя снимут цепь.

Арсам поймал взгляд женщины, и, обращаясь только к ней, произнёс:

– У меня только один бог, а ложь – худший из грехов, в каждом моём слове только правда. Клянусь Ахура Маздой и всеми его творениями, что отныне буду служить тебе одной и только тебя почитать своей госпожой.

Щеки красавицы вспыхнули. Она совсем растерялась.

Зашла старуха, подёрнула носом, будто принохаясь, велела переводить. Её голос звучал раздражённо и повелительно.

– Рабы должны работать. Ты сильный раб и должен много работать. Больных рабов надо лечить. Это лекарь для животных и слуг, если он тебе не нужен, ступай строить гробницу.

Так и закончилась для Арсама свобода. Вечером его оставили в покое, пригрозив, что ещё до восхода солнца у него начнётся новая жизнь. Египтяне вышли, опять оставив Ахеменида в полной темноте.

– Эй, а цепь?! – воскликнул перс.

Он сделал первый вывод: египетским обещаниям нельзя верить, особенно, если они даны рабу. Арсам раздражённо позвенел злополучной медной цепью.

– Гадость какая! Долго мне ещё так сидеть, будто ладья на якоре?!

– Сказали же тебе, только до завтра!

Арсам резко обернулся, в самом тёмном углу был ясно виден силуэт, ещё более чёрный, чем окружающая тьма. Вокруг него распространялось мертвенное синеватое сияние. Перс различил худого долговязого человека с шакалей головой, длинной подвижной мордой и большими заостренными ушами.

– Сгинь!

– Вот еще! – отмахнулся темный силуэт. – Ишь, раскомандовался!

Возмущённый Ахеменид тряхнул головой, потёр глаза. Видение не пропало. Жёлтые горящие шакальи глаза насмешливо сузились.

– Ты ещё ногой топни. Сказано, неохота мне тебя слушаться, – протявкнул шакалоголовый.

– Ты кто?

– Бог.

– Не может быть!

– Где-то и не может, а здесь я – Бог. Анубис – страж загробного царства, ну и бог ещё кое-чего. Конечно, самый главный у нас на том свете Осирис, но последние лет 200 египтяне стали нас путать, кто главный, кто не главный. Осирис аж позеленел от злости, ничего не мог сделать. Так что перед тобой настоящий бог.

Зороастриец усмехнулся, а шакал предложил:

– Хошь, докажу? Смотри!

Грубое кольцо, сжимавшее ногу пленника, само собой разжалась, цепь отползла к колонне, словно большая змея.

– Фокусник, – пожал плечами Арсам.

Медная змея рванулась к нему и поднялась, словно кобра перед нападением. Она медленно покачивалась из стороны в сторону, и разжатое кольцо напоминало открытую пасть. Пленник внимательней взглянул на тёмного незнакомца.

– Так я тебя уже видел во сне, – припомнил перс.

– Какие сны, – возмутилась шакаля голова, – это был настоящий, очень настоящий последний суд. Душа того египтянина отправилась в рай. Только ты-то зачем туда приперся? Кто тебя звал?

– Не нужны мне ваши сборища! Я сам не знаю, как это вышло.

– Знаешь, не знаешь, только теперь тебе жить под властью Богов Египта. Мы тебя заметили, теперь уж не спрячешься, поздно.

– Вот радость-то! – презрительно бросил Ахеменид.

– Ещё увидимся! – твякнул Анубис и исчез.

Медная цепь громко рухнула на пол и осталась валяться. Перс недоверчиво осмотрел её:

– Металл как металл, опять злобные демоны мутят голову.

От увиденного ушастого Анубиса и медной змеи отмахнуться было легко, но нога пленника была свободна от оков, бесполезная цепь мирно лежала поодаль. Это Арсам мог объяснить только божественным вмешательством. Персы уже давно исповедовали единобожие, однако не каждый служитель культа мог бы точно назвать имена всех духов и демонов. Обилие в чужой стране разных Богов Арсама не удивило, но чтобы вот так запросто поболтать с хозяином мира мертвых...

– Надо же, – рассуждал Ахеменид, – я совсем не понимаю египтян и легко общаюсь с их богами. Наверняка, благодаря царской крови в моих жилах.

Тщеславие усыпило все сомнения, и Арсам уснул, чтобы проснуться настоящим рабом египетского номарха Херихора. На этот раз хозяин даже не зашёл в сумрачное жилище своего пленника, прислал жену.

– До чего же приятна неосторожность твоего мужа, – лукаво улыбнулся Ахеменид.

Она потупилась, но твердо произнесла:

– Мой муж уверен в моём благоразумии.

– А ты – уверена?

– Все работники уже собрались, тебе надо торопиться, – она сделала вид, что не заметила его вопроса.

– Подождут, – отмахнулся родственник царей Персии.

– Никто не станет ждать одного, – настаивала дочь Мидии, – до города мёртвых путь не близкий, не забывай, что ты здесь только раб.

- Я твой раб, – опять взялся за своё перс.
- Я тоже хочу, чтобы ты поторопился, – мягко произнесла она.
- Тогда – уже иду.
- погоди... а цепь... я позову кузнеца.
- Не стоит.

Ахеменид царственным жестом указал на валявшуюся поодаль цепь.

– Кто тебя освободил? – ахнула красавица.

– Сами Боги, – бросил гордый перс.

Женщина и подумать не могла, что в его словах нет ни капли лжи. И всё же она стала побаиваться удивительного иноземца. Её чувства совсем смешались, когда пленник вышел на залитый солнцем двор. Она смутилась, хватило одного взгляда на любимца Богов, чтобы лысый старый муж показался ей ещё отвратительнее.

Перс жмурился от яркого света, глаза успели отвыкнуть от ослепительных солнечных лучей. Решительно отряхнул свой изорванный ярко-синий халат, глянул вверх: небо над головой уже было белесым от надвигавшейся жары. Пленник едва глянул на широкий двор большого поместья, на скучные строения с плоскими крышами под сенью гибких пальм. У высокого забора из необожжённого кирпича, на жёлтой песчаной дорожке, раба номарха ожидало человек десять египтян. Все как один с одинаковыми прямыми чёрными волосами, удивительно ровно обрезанными у плеч. Все они были полуголые, в одних набедренных повязках, босиком.

– Судя по их одежде денек предстоит жаркий, – заметил перс.

Недолго думая, Арсам вернулся в прохладный дом. Чтоб не сковывал движения, снял свой рваный синий халат. Свернул аккуратно и положил на циновку. Оставшийся в одних штанах, вернулся к ожидавшим египтянам, худым и хмурым.

– Ну и работнички, – усмехнулся перс, – жалкое зрелище, неужели не нашлось рабов получше?!

– Это не рабы, – объяснила жена Херихора, – каждый египтянин обязан работать на стройках в городе мёртвых.

– Странные порядки. Ладно, показывайте, где собираетесь хоронить вашего номарха, – весело обратился Арсам к работникам, позабыв, что они его не поймут, – надеюсь, похорон недолго осталось ждать, – добавил он, подмигнув молодой жене старого Херихора.

Она снова притворилась, что не слышит его намеков, и торопливо ушла в дом. А строители гробниц поплелись вперёд по дороге, конец которой нырял за горизонт. Перс скучал среди египтян, ему очень не хватало хоть одного собеседника. Строители гробниц были так уморительно серьёзны и сосредоточены, а Ахемениду не с кем было поделиться весёлыми наблюдениями. Раб номарха легкомысленно улыбался, и рассуждал сам с собой:

– Чудное местечко, этот Египет. Очень подходящее для того чтобы сойти с ума. Я, кажется, уже начал. По ночам уроды мерещатся, днем говорю сам с собой.

Он замолчал, впечатлившись этой мыслью. Но не выдержал всеобщей угрюмости, потянул за руку шагнувшего рядом худющего египтянина.

– Эй, далеко ещё? Что-то я не вижу никаких строений впереди. Одни поля.

Строитель гробниц его не понял. Рассерженно одёрнул руку, произнёс что-то грозное. Арсам оставил его в покое, молча осматривал окрестности. По обеим сторонам дорожки, протоптанной сотней босых ног, явно не подходящей для проезда повозок и колесниц, тянулись бесконечные квадратики пашен, покрытые свежими всходами. Вдоль каждого поля тянулись ряды оросительных каналов и канавок, полных мутной нильской водой. Здесь под щедрым египетским солнцем крестьяне собирали по три урожая в год. Вдали были видны ряды виноградников и большие сады. Такой лакомый кусок не мог не прельстить жадного царя персов – Камбиза Завоевателя. Ахеменид легко представил, как победоносная персидская армия свежей морской волной врывается в сонное египетское царство...

А пока раб Херихора топал следом за унылыми работниками. Одного взгляда на их заморенную стать персу было достаточно, чтобы понять, что ему неизбежно доверят самую тяжёлую работу. Жаркое светило поднималось всё выше, обжигая землю безжалостными лучами. Горизонт подёрнулся белесой дымкой. Египтяне смотрели на неё с тревогой.

«Действительно, откуда здесь взялся туман?» – объяснил себе их беспокойство Арсам.

Строители гробницы номарха продолжали двигаться вперёд, но всё не приближались к своей цели.

– Куда подевался этот ваш город мёртвых? – возмутился перс. – Если он находится так далеко, то мы ничего не успеем сделать, только придём – и пора уже будет возвращаться.

Его слов египтяне не поняли, они остановились, принялись махать руками, спорить о чём-то на своем языке.

– Мы умудрились заблудиться?! – догадался Арсам. – Шли по единственной узенькой тропинке и забрели куда-то не туда? Не иначе демоны нас морочат или как его там вашего... Анубис, что ли?!

Уловив в его речи знакомое имя, работники ещё больше забеспокоились, стали испуганно повторять:

– Анубис! Анубис!

А туман надвинулся со всех сторон, сгустился, словно верблюжье молоко; вскоре было трудно уже различить пальцы вытянутой руки. Ахеменид был в восторге.

– Вот уж не ожидал посреди этой унылой равнины увидеть белый туман как в горах моей родины. Ух, как египтяне перепугались! И есть с чего, я слышал, у них здесь дождей-то не бывает, откуда туману взяться?!

Подданные фараонов повалились на колени, принялись возносить молитвы своим многочисленным богам, зороастриец смотрел на них равнодушно.

– Я вашим дурацким божкам не подвластен! И бояться мне нечего!

Но странный туман всё не рассеивался, усиливая страхи египтян и пробираясь мерзкой тревогой в сердце Арсама. На всякий случай, последователь «доброй религии» прошептал слова Ахунвары – главной молитвы зороастрийцев. А египтяне громко призывали на помощь свою богиню:

– Нут! Нут! Нут!

Гордый перс насмешливо ожидал, что они станут делать дальше. Ничего не происходило. Туман и не думал рассеиваться, люди чувствовали себя на дне кувшина с молоком. Ни звука не доносилось из плотной белизны. Неожиданно, Арсаму показалось, что он различил далёкий унылый, глухой звон, какой издают грубые колокольчики весящие на шее скота. Звук быстро приближался, и вскоре сквозь завесу тумана стал виден неясный силуэт. Мгновение спустя навстречу строителям гробниц весёлой рысью выбежала светло-жёлтая ушастая корова. Из набухшего круглого вымени на дорожку падали крупные капли молока.

– Ещё и корова?! – удивился Ахеменид.

Поднявшие было головы подданные фараонов и едва увидев рогатую скотину, снова рухнули ниц. В их интонациях зазвучала благодарность и восхищение.

– Нут! Нут!

Животное остановилось, широко расставив ноги, стало ошарашено мотать головой, отмахиваясь ушами от невидимой мухи. Большие тёмные коровьи глаза сонно уставились на странных людей.

Глава третья ДОРОГА К ГОРОДУ МЁРТВЫХ

Следом за животным из тумана выбежал чёрный, как подгоревший хлеб, парень с длинной пальмовой веткой в руке. Он громко кричал на корову, и к ещё большему своему удивлению перс различил в его воплях знакомые слова.

– Стой! Стой! Какие демоны за тобой гонятся?

Арсам ухватил темнокожего за руку.

– Ты кто? Ты не египтянин? Ты меня понимаешь?

– Пусти! Всё я понимаю! Сам-то ты кто такой?

Ахеменид выпустил его руку, гордо выпрямился, произнёс надменно:

– Я Арсам из рода царей Парсы.

– Что-то не похож ты на царя, – резонно заметил незнакомец.

Перс смутился, далеко было ему отсюда до царского трона.

– Я раб номарха Херихора, – буркнул он.

– Так у него, что есть еще рабы?

– Я единственный.

– Вряд ли. Не знаю, как ты попал в рабство к номарху, а моя семья задолжала ему слишком много, вот я и отработываю.

– Отработываешь, помахивая пальмовой веточкой? – усмехнулся Арсам.

– Если бы... корову мне доверили только сегодня, а обычно я, как все, вожусь на строительстве гробницы, – вздохнул незнакомец.

– Мы тоже идем туда. Далеко ещё?

– Очень далеко, – рассмеялся парень, – вы топаете совсем в другую сторону от Великой реки, а мёртвый город на другом её берегу.

– Неужели они, – перс ткнул пальцем в согбённых египтян, – сами не знают куда идти?!

– Спроси у них.

– Не могу, они меня не понимают, а я их. В этой стране ты – второй человек, с которым я смог поговорить. Хоть ты и путаешь слова всех известных мне языков.

– Мой отец занимался торговлей и заставил меня учить языки разных торговцев. Каждый караванщик говорил по-своему, вот я и нахватался.

– Тогда скажи этим чудикам, чтоб поднимались на ноги и бежали обратно к своим домам, рабочий день окончен.

– Ловко ты распоряжаешься чужими работниками, – присвистнул темнокожий пастух.

– Судя по туману, распоряжаюсь не я, а местные носители дурацких голов.

– Не спеши оскорблять Богов, это плохо кончится.

– Я помню, Анубис говорил что-то подобное, – отмахнулся легкомысленный Ахеменид.

– Ну, ты зазнался! Не удивительно, что вокруг тебя происходит невесть что.

В это время оставленная без присмотра корова и впрямь прониклась чувством собственной важности, гордо вскинула рогатую голову, капризным взмахом ушей отогнала назойливую муху и медленно двинулась в поля, объедать свежие побеги. Неожиданная безнаказанность подстегнула её, и животное резво припустило прочь от своего пастуха и пальмовой ветви.

– Некогда мне с тобой, – бросил персу его новый знакомый и побежал догонять корову. – Увидимся завтра на стройке.

Арсам хотел было его остановить, но передумал, увидев, что египтяне сами поняли, что шли не туда, бранясь, поднялись с земли и двинулись в обратный путь. Туман медленно становился прозрачней, легче и вскоре вовсе растаял, словно его и не было. Египтяне удивлялись, спорили, тыкали пальцем то в одну, то в другую сторону. Арсам прислушивался, пытался угадать, о чём они говорят, но напрасно: единственным знакомым ему словом оказалось имя всё того же злополучного Анубиса. Перс бросил бесполезное занятие, решив, правда, приложить максимум усилий на уроках своей прекрасной хозяйки.

Обратная дорога оказалась удивительно короткой. Совсем скоро впереди показались забор и квадратные крыши двухэтажных строений усадьбы номарха. Они были сложены из жёлтого кирпича-сырца с двумя-тремя маленькими узкими окошками и плоскими крышами. Перед домами торчал десяток пальм, но их высокие голые стволы и пучок жестких длинных листьев на вершине навевали на Ахеменида тоску. В скалистых горах его родины не было буйной зелени, однако любой куст со множеством веток, с мелкими весёлыми листочками Арсаму сейчас казался во сто крат прекрасней пальмовой рощи. Но большой тенистый сад прятался за высоким трехэтажным хозяйским домом. Он отличался от остальных четырьмя колоннами в форме стволов папируса, перед ним блеснул небольшой прямоугольный бассейн. Ах, как далека была его зеленоватая вода от прозрачной свежести горных рек!

Молодой перс взгрустнул бы, не появившись возле ограды обвислопузая фигура Херихора. Он был до самых пят завёрнут в белоснежную ткань, конец которой, переброшенный через плечо, придерживал рукой. Увидев возвращающихся работников, номарх широко разинул рот и отчаянно замахал свободной рукой, словно собирался взлететь. Херихор не просто орал на своих рабочих, он схватил толстую палку, угрожая им расправой. Покорные строители гробниц заранее втянули головы в плечи. А гордый Ахеменид только рассмеялся.

– Теперь понятно, Боги затеяли всю игру с туманом ради того, чтоб вдоволь посмеяться над уморительным гневом номарха.

Херихор не мог ни услышать, ни разгадать смысла шутки, однако оскорбился до глубины души. В бешенстве решительно попытался сломать свою палку, но только ушиб колено. Он продолжал орать и топтать ногами, а подчинённые ему египтяне обречено плелись к хозяину. Арсам порадовался, что не знает злословного смысла громких воплей. Но и так было легко догадаться, что, возмущённый невиданной наглостью, жрец призывал на головы работников гнев всех известных ему Богов. Не дожидаясь исполнения страшных проклятий, он сам подбежал к ним и принялся лупить по спинам своей крепкой палкой.

Херихор замахнулся было и на Ахеменида, но как-то быстро передумал. Он только снизу вверх посмотрел на надменного раба, сразу остыл и обмяк. Молчал, неприятно морщил нос, выслушивая жалобы работников. Открыл рот, чтобы обвинить во всем перса, вспомнил о бесполезности упреков и криков, повернулся к дому, заорал гнусаво:

– Анахит, Анахит!

В ответ из дома набежали бесполезные слуги и служанки, они долго о чём-то спорили на родном языке, номарх снова всё больше сердился и размахивал палкой. Пока на пороге не появилась его жена, как всегда спокойная и неторопливая. Ступая мягко, как кошка, она подошла к мужу, улыбнулась, положила руку ему на плечо. Негромко мирно заговорила. Арсам слушал её речь как музыку. Херихор сразу угомонился, как маленький ребёнок от звуков колыбельной. Он разом позабыл о возмутительном поведении строителей и как ни в чём не бывало вернулся в прохладу своего дома.

Хозяйка отпустила слуг, мягким жестом указала проштрафившимся рабочим на ближайшее строение. И они охотно исполнили её повеление. А персу совсем не хотелось топтать следом за работниками, он словно завороченный не мог оторвать взгляда от мягких движений женщины.

– Тебе не следует так себя вести, – упрекнула она, – незачем лишний раз злить Херихора. В гневе он так отвратителен.

– Да, да, он ужасен, – рассмеялся перс, припомнив упражнения номарха с палкой.

– Зря смеешься, он твой хозяин, – строго напомнила женщина.

– У меня нет хозяина, – гордо выпрямился Ахеменид, – но у меня есть хозяйка, – добавил он ласково.

– Ступай в дом для работников, учить египетский будем вечером, сейчас у меня много дел.

Солнце стремительно укатилось за горизонт. С Нила прилетел свежий ветерок. Свободные работники разошлись по своим домам, и перс вновь остался один. Он сидел на тростниковой циновке в абсолютно пустой комнате, куда не проникал даже тусклый свет. Пришло долгожданное время урока. Арсам почувствовал знакомый запах душистого масла, и сердце радостно забило. Едва женщина вошла в комнату с масляным светильником, и села на циновку рядом с ним, Ахеменид задал вопрос, которого она старательно избегала все это время.

– Как тебя зовут?

– Хенуу незачем это знать, – мягко возразила она.

– Как тебя зовут? – повторил он нежно.

– Для тебя я только госпожа, жена твоего хозяина.

– Как называет тебя Херихор, когда вы одни?

– Он зовет меня женой, – уклонялась от ответа женщина.

– Я знаю. Он отвратительно груб. Но ведь у тебя есть имя? – перс придвинулся ближе.

Она отстранилась. Он повторил маневр, сменил тему.

– А кто этот костлявый молокосос? Мне показалось он называл тебя мамой, почему? Он же едва тебя моложе.

– Это Петубаст – сын Херихора от старшей жены, она умерла... вернее от настоящей жены. Я ведь только наложница... женой Херихор зовет меня только здесь, в поместье. Я всегда живу здесь, а в столицу он ездит без меня. Родовитые египтяне никогда не берут в жены девушек из других стран.

– Я так и знал, этот старый верблюд тебе совсем не подходит! – обрадовался Арсам.

Женщина улыбнулась, прикрыв рот ладошкой. Перс пододвинулся ещё, она сделала вид, что не заметила.

– Решено, – заявил Арсам, – я тоже стану называть тебя мамой, я больше на тебя похож, чем все эти египтяне.

– Не надо, моё имя – Анахит, – совсем тихо сказала она.

– Анахит, – повторил он с нежностью, – прошу, называй меня Арсам, так звали меня на родине. Я не хочу для тебя оставаться безымянным хенуу.

– Хорошо, Арсам.

Анахит отодвинулась от него, резко встала, быстро, строго заговорила:

– Мы тратим время, мне нужно ещё научить тебя стольким словам.

– Для начала скажи, как будет по-здешнему – любовь, красота...

– Эти слова на стройке тебе не понадобятся! – вспыхнув, оборвала его женщина.

– О, я построю твоему мужу самую красивую гробницу, – лукаво улыбнулся перс, – возьмусь за дело со всей любовью!

Строгая Анахит не могла сдержать улыбку, снова опустила на циновку, на самый дальний от перса край.

– Лучше научись понимать простые команды, – посоветовала она, – там, на стройке, надсмотрщики ничего не станут долго объяснять.

Упрямый перс послушался совета и старательно повторял за дочерью Мидии странные слова. Он оказался способным учеником и, как только перестал отвлекаться, быстро продвинулся в изучении египетского языка. Женщина даже рассказала ему несколько ругательств, которые могут кричать надсмотрщики. Арсам спросил неожиданно:

– Что такое Нут?

– Где ты нахватался таких слов? – вдруг рассмеялась Анахит.

– Одна корова на ухо шепнула.

– Значит, она тебе представилась, – звонко смеялась женщина, – может, ты знаком и с другими Богами?

– Только с самым дохлым, как его там... Анубис, кажется.

Жена номарха ахнула, испуганно закрыла лицо рукой.

– Не шути так! Рано тебе ещё встречаться с Анубисом.

– Зря вы его так боитесь, весёлый парень, – пожал плечами Ахеменид,
– только с головой проблемы.

Нахмурившаяся Анахит таких шуток не понимала.

– На сегодня урок окончен, – серьёзно сказала она.

– А завтра будет новый?

– Не знаю... если муж велит.

– Муж, – презрительно фыркнул царский племянник.

Женщина быстро встала на ноги и вышла из комнаты. Арсам не успел даже придумать, как её удержать. За стенами его нового неуютного жилища настала ночь. Анахит унесла с собой лампу, и Ахеменид снова оказался в полной темноте.

Он даже не удивился, увидев образовавшийся в дальнем углу тёмный ушастый силуэт, спросил буднично:

– Что, и тебе не спится?

– Я совсем не сплю, а ты, хенуу, меня забавляешь, – отозвалась шакаля голова.

– Представляю, до чего ты скучаешь среди перепуганных египтян.

– Скучаю, – вздохнула темнота.

– Бедняга.

– Нет, ну это уже наглость! – рассердился Анубис. – Дожился, смертный меня жалеет.

– Скажи спасибо, я не напоминаю, что тебя вообще не существует.

Ошарашенный египетский Бог разинул шакалью пасть, бешено выпучил глаза и... исчез.

Помня о предстоящем трудовом дне, Арсам не стал тратить время и улегся спать на свое жёсткое ложе. В эту ночь любопытные звероподобные египетские существа его не посещали. Он вовсе не видел снов – ни волшебных, ни будничных.

Разбудил Ахеменида громкий резкий звук от удара бичом по каменному полу. Арсам сразу проснулся. С дверного проёма циновка была убрана, свет заполнял комнату, освещал внушительную фигуру надсмотрщика. Он был грузный, одетый только в традиционную набедренную повязку, голову его украшал чёрный парик, покорооче и пожиже чем у Херихора.

«Похоже, египтяне лысеют сразу, как только добиваются какой-нибудь должности», – подумал перс.

– Быстрее! Быстрее! – кричал надсмотрщик.

Потомок царей двигался нарочито медленно: одёрнул, оправил штаны, расчесал пятерней волосы.

– Быстрее! Быстрее! – бесился египтянин.

Для большого устрашения он размахнулся, чтоб опять щёлкнуть своим бичом, но гнев сыграл с ним злую шутку, и кончик бича стегнул его по босой ноге. Надсмотрщик взвыл, закружился на месте, схватился за ногу и стал орать такие выражения, смысл которых перс понял, не зная ни слова. Ему даже пришлось подождать своего стража, пока тот закончит странный танец.

На этот раз во дворе собралось гораздо больше рабочих. Был среди них и вчерашний пастух. Арсам обрадовался ему как родному. Зато ещё троих надсмотрщиков вовсе не заметил.

– Ну что, поймал свою корову? – поприветствовав, спросил перс у своего нового приятеля.

– Хвала Богам, она не успела далеко убежать.

– А почему ты не живешь здесь у Херихора, если ты его раб?

– Поздним вечером я возвращаюсь в свою хижину. Ведь я только отработываю долг. Рабы, захваченные в бою, совсем другое дело.

– В бою, – усмехнулся перс, – из Херихора воин, как из медузы плащ.

– Это точно, – рассмеялся темнокожий, – наш номарх храбрый, как шакал, и сильный, как тушканчик.

– Ни разу не видел такого пузатого шакала.

– Видно его кухарка вкусно готовит.

– Ему вообще повезло, – вздохнул Арсам.

Приятель глянул на него внимательней, сощурил чёрные глаза, покачал головой.

– Э-э, брат...

Перс заговорил о другом.

– Я ведь так и не знаю, как тебя называть?

– Ганнибал.

– Имя слишком гордое, оно больше подходит великому вождю и полководцу, – заметил Арсам.

– Я пока не знаменит, а я про тебя уже слышан. Время скучное, слухи разбегаются быстро. Твой хозяин уже всем успел похвастаться, что обзавелся настоящим рабом.

– Зря хвастается, вот-вот Камбиз предпримет второе наступление, и придут совсем другие времена, некогда будет поскучать.

– Так ты надеешься, что царь персов освободит тебя? – усомнился Ганнибал.

– Уверен! – гордо произнес Ахеменид. – Я его родственник.

Его приятель присвистнул, но не особенно поверил в правдивость этих громких слов. Строители гробницы, между тем, уже двинулись в путь. Беспричинно сердитые надсмотрщики щёлкали своими бичами, торопили.

– Интересно, далеко ли мы уйдём сегодня, – бурчал перс.

Мимо опять потянулись одинаковые поля с каналами и канавками, под ногами была такая же пыльная дорожка, однако Арсам был уверен, что теперь они идут совсем в другую сторону.

– Ты прав, – подтвердил Ганнибал, – сегодня мы точно идем к Нилу верной дорогой.

– Это ещё зачем?

– Во-первых, город мёртвых на другой стороне реки, а во-вторых, из чего, по-твоему, здесь можно что-нибудь строить?

Темнокожий повёл рукой вокруг. Арсам тоже осмотрелся, хотя уже знал ответ. На равнине глазу не за что было зацепиться.

– После кораблекрушения, – вспомнил перс, – я спасся на какой-то скале.

– Значит, тебе повезло найти единственную скалу на этом берегу.

– Мне часто везёт.

Совсем рядом защёлкали бичи, и надсмотрщики закричали что было сил:

– Быстрее! Быстрее! Вас ждать не будут.

На всякий случай перс сделал вид, что послушался.

Глава четвёртая РАБСКИЙ ТРУД

Вскоре он различил впереди зелёную змею Нила, о которой так много слышал раньше. После привычных бурных холодных горных рек Персии, великую полноводную африканскую реку он себе представлял совсем иначе. Её спокойные, почти стоячие воды не показались персу ни глубокими, ни судоходными.

– Эта лужа и есть ваш Нил?! – презрительно уточнил он.

– Всего лишь один из рукавов дельты, – пояснил Ганнибал.

Перс впервые увидел реку, которую привык считать великой и единственной. В это время года Нил, успокоившись после разлива, в самом деле напоминал спящего крокодила, но стоило ему проснуться...

– Видел бы ты эту лужу во время разливов, ты бы совсем по-другому заговорил, – с гордостью сказал пастух Ахемениду, – выше по течению есть жуткие пороги и даже случаются бури, в которых тонут ладьи.

– Может быть, я и поверю, когда сам увижу.

Солнце забиралось всё выше, припекало всё сильнее. Десяток работников номарха в сопровождении трёх надсмотрщиков дошли до пологого речного берега. Через неширокую в этом месте реку египтяне переправлялись на маленькой утлой очень старой лодчонке.

– Хотя бы Ибиса эта рухлядь выдержит? – усомнился перс.

– Это переправа между городом живых и городом мёртвых, – важно произнёс египтянин.

– Лодкой пользуются с самого сотворения мира?

В не понравившийся Ахемениду лодке возвышался мрачный обгоревший на солнце перевозчик. Он выглядел таким же древним, как его посудины.

– Честно говоря, – смутившись, откликнулся Ганнибал, – я не знаю, я всегда видел переправу такой.

– Так нам надо на ту сторону?

В голосе перса прозвучало недоверие. Он крайне осторожно ступил на хлипкую лодочку; к немалому удивлению перса, казавшийся старым и немощным перевозчик сильными уверенными движениями быстро греб через реку. Великий Нил сам помог ему доставить пассажиров. Только ступив на твердую землю, Арсам вздохнул с облегчением. А хмурый лодочник без лишних слов сразу отправился в обратный путь и очень быстро появился с другими пассажирами. На левом берегу реки, на песчаной отмели был устроен небольшой причал. Возле него замерла египетская длинная ладья. Спокойные воды даже не покачивали её.

– Стоит, словно вкопанная, – поразился Арсам.

– Ничего удивительного, – зевнул Ганнибал, – она слишком тяжёлая с таким грузом.

– Каким?

– Ладья нагружена каменными блоками для города мёртвых, их добывают далеко в верховьях и по реке привозят к нам.

– А обратно ладья ползет против течения? Не повезло гребцам!

– Пустое судно – это ерунда. Бывает, что вверх по течению поднимаются и с грузом.

– Не хотел бы я быть гребцом, – вздохнул Ахеменид.

– Наша участь не легче. Скоро сам убедишься.

Равный царям не мог себе представить занятие более тяжёлого и монотонного, чем работа гребца. Он просто не поверил своему египетскому приятелю. Но... тот знал, о чём говорил.

Над берегом возвышалась деревянная балка, короткий её конец был опущен к земле, к нему было привязано несколько мешков с песком, а длинный поднят высоко в небо. Сооружение представляло из себя огромный рычаг. Когда длинный конец наклонился к груженной ладье, к нему привязали один из массивных каменных блоков. Работники налегли на меньший конец, и груз медленно поднялся в воздух. Обливаясь потом, продолжая давить на рычаг, египтяне стали поворачивать свой край к реке, и каменный блок поплыл по воздуху прочь от корабля. Его бережно опустили на землю, и процедура повторилась снова. Вскоре надсмотрщики велели другим работникам сменить выдохшихся. Настала очередь Арсама и Ганнибала.

Насколько легче и приятнее наблюдать за работой других, чем трудится самому. Несмотря на то, что короткий конец балки был утяжелён, для того чтобы поднять груз давить на противовес нужно было изо всех сил. А переносить страшно тяжёлые каменные блоки с ладьи на берег было ещё тяжелее. От непривычной нагрузки Ахеменид зверел, сжимал зубы, клял судьбу, подсунувшему ему такие испытания.

Ганнибал, казалось, легче переносил тяготы. У него оставались ещё силы то и дело, задыхаясь, бросать замечания:

– Что-то часто мрут номархи последнее время... я уже третью гробницу строю....

– Пора уже им стать скромнее... – поддержал перс, – а то и строить будет некому, все работники перемерут на стройках....

– Это хорошо, мы ещё далеко от столицы... там недавно фараон помер. Его гробница гораздо больше, чем для номарха, а говорят ещё в прежние времена фараонов хранили в пирамидах, такую громадину кто-то же строил, мучился...

Когда последний блок опустился на землю, работники успели уже несколько раз смениться. Ставшая заметно легче и выше ладья, плавно качнувшись, поплыла в обратный путь, движимая сильными дружными ударами весел. Арсам решил, что работа закончена.

– Ну и жара здесь у вас! Пойду хоть обкупнусь в вашем Ниле. Чтоб охладится.

– Даже не вздумай! – резко остановил его приятель. – В этом месте река кишит крокодилами! Сейчас время, когда они особенно голодные.

– Час от часу не легче! Крокодилы – это ещё что?

– Не что, а кто! – Ганнибала возмутило то, что кто-то может не знать мощи и кровожадности хозяев Нила. – Вон, смотри, плывет.

Он указал персу на середину реки, но тот сумел разглядеть только рыбь на воде от движущийся не то коряги, не то кочки.

– Это и есть ваше чудовище? – рассмеялся Арсам. – Он же не крупнее рыбы!

– Зря смеёшься, – нахмурился темнокожий, – эта рыбка проглотит тебя и не заметит.

– Подавится!

В это время плывшая по реке коряга резко повернула к берегу. Видно, крокодил был сильно голоден, если забыв об обычную ленивую медлительность, двигался столь стремительно. Перс и заметить не успел, как нильская рептилия преодолела расстояние, отделявшее её от берега. Мгновение спустя на песке появилась голова с длинной чудовищной зубастой пастью, короткие лапы, плоское тело и показавшийся Ахемениду бесконечным хвост.

– Он же вдвое длиннее, чем самый высокий человек, – поразился сын горной Персии.

– Бежим! – крикнул Ганнибал. – Эта тварь и на суше шустрая, как газель!

Но Арсам не мог сдвинуться с места. Он словно прирос к земле, заморожено глядя на быстрые жадные движения крокодила. Египтяне уже бросились в рассыпную, чудовище разинуло пасть, пытаясь схватить одного из них за ногу. Страшные зубы сомкнулись... Парню удалось убежать, и монстр утробно заурчал, поймав пустоту. Повторять попытку крокодил не стал и задом уполз обратно в воду. У Арсама даже дыхание перехватило.

– Это тоже один из ваших Богов? – хрипло спросил он у возвратившегося Ганнибала.

– Крокодил? Конечно! Себек – Бог, но вряд ли это был он сам.

– И часто здесь такое?

– Крокодилы нападают регулярно, надо же им есть! Ловят коров, антилоп, даже быков.

– А людей?

– Само собой.

– У вас не соскучишься!

– Некогда скучать, – поморщился темнокожий раб номарха.

Хотя его новый приятель говорил на невозможной смеси языков, к тому же жутко коверкал слова, перс легко понимал его или, точнее, догадывался о смысле речей, благодаря чрезвычайно богатой мимике Ганнибала. Лицо его было невероятно подвижно. Он бурно реагировал на любую малость, Арсаму даже при желании не удалось бы повторить все ужимки его физиономии. Вот опять быстрой волной по его лицу пробежали раздражение и страх, сменились выражением покорной усталости.

– Хватит отдыхать! Встать! Работать! – защёлкали бичами надсмотрщики.

– Что еще? – спросил перс. – Ладя уплыла, груз на берегу.

– Теперь нужно доставить камни до города мёртвых, – объяснил Ганнибал.

– Но я не вижу никаких повозок.

– Зачем повозки? Блоки до строительства доберутся и без них.

– Сами?!

– Если бы.

Приятель Арсама соорудил очередную поразительную рожу, которая одинаково точно могла бы означать насмешку над наивным персом и досаду на то, что тяжести не умеют передвигаться самостоятельно.

– Смотри, первый блок уже потащили, – указал он на копошившихся возле камней египтян.

Разглядев, чем они заняты, Ахеменид задохнулся от возмущения.

– Неужели так всегда?

– А что тебе не нравится? – усмехнулся Ганнибал. – И камни дотащим, и отшлифуем как следует.

Строители гробницы подсунули под блоки какие-то дощечки и обвязали тяжёлый камень верёвками. Двое впряглись в петли и потащили блок, а третий стал поливать дорожку перед ними водой из большого кувшина. Камни двигались медленно, под ними шуршал придавленный мокрый песок, сзади оставался ровный широкий след.

– Этого не может быть! Мне все снится! – воскликнул Арсам. – Нельзя так издеваться над людьми, ведь они даже не рабы!

– Зато мы с тобой рабы-хенуу, – напомнил египтянин.

Как раз об этом вспомнили надсмотрщики. Получив весьма ощутимый удар бичом, перс поймал брошенную ему веревочную петлю и впрягся тащить каменный блок.

– Ты большой, один справишься, – гаркнул надсмотрщик.

Подоспевший Ганнибал схватил вторую веревку, крикнул:

– Я буду помогать, он дороги не знает.

– Не заблудится, – хохотнул надсмотрщик, – ладно оставайся, от тебя все равно никакого проку.

Перед ними зашагал худющий египтянин с кувшином. Первые шаги показались персу совсем не трудными. Давно выглаженная такими грузами, дорожка была ровной. У рабов Херихора нашлись даже силы на разговоры.

– Разве в твоей стране грузы перемещают совсем иначе? – удивлялся египтянин.

– Для этого есть повозки, лошади или быки. Да и по горным каменистым дорогам ничего так не потащишь.

– Лошади возят колесницы фараонов и номархов. Быки нужны крестьянам, чтоб обрабатывать землю, выращивать урожай. Быки дороги.

– Дешевле заменить их самими крестьянами? Люди ж слишком слабы для такой работы! – рассуждал Ахеменид.

– Выходит не слишком, если справляются с ней уже много веков.

– Может, вы и привыкли, а меня ждало совсем другое будущее, а теперь...

Родственник царей горько вздохнул, долго молчал, потом выдал беззаботно:

– Муравьишка не бездельник,

Бросил старый муравейник,

Захотелось муравью

Сесть в красивую ладью!

И теперь один как перст

В лошадь превратился перс.

Он помрачнел ещё больше, произнёс тихо:

– Сочиняю стишки, как базарный торговец, а ведь меня учили высокому стихосложению – языку небес. Я слушал песни лучших поэтов моей Родины.

– Забудь! – посоветовал приятелю Ганнибал. – Не рви душу мечтами. Судьба наша нам неведома.

– На все воля Ахура Мазда, – согласился зороастриец, – знать бы хоть, что будет завтра.

– А ты спроси у своих богов.

– Мой Бог не так болтлив, как здешние.

– Тебе-то откуда знать?! – усомнился раб номарха.

Честный рассказ Арсама о последней встрече с шакалоголовым Анубисом показался Ганнибалу хвастливой выдумкой. Он не стал ни расспрашивать, ни спорить, тем более что каменный блок становился всё тяжелее, тащить его было всё труднее. Каждый шаг требовал больших усилий. У рабов номарха возникло впечатление, что злополучный камень цепляется за дорогу, не желая двигаться. Они молчали, пыхтели, смотрели на согнутую спину египтянина, поливавшего песок перед ними.

Всю дорогу Арсам смотрел себе под ноги, видел только рыжеватожёлтый песок. Добравшись до места назначения, перс с наслаждением выпрямился, устало присел на ненавистный ему камень, вытер пот со лба, осмотрелся. Долина мёртвых и впрямь казалась мёртвой лысиной среди зеленевших полей. Она расположилась на пологой возвышенности, и сухие ветра сдули всю плодородную почву, оставив мёртвым только безжизненный песок и камни. Гробницы, не слишком отличавшиеся от обычных домов египтян, – одноэтажные, приземистые постройки тесно лепились друг к другу. У этих сооружений были не только двери, но даже окна.

– Действительно, целый город, – удивился перс, – где же здесь поселится наш номарх?

– Вон, видишь недостроенные стены? – показал египтянин.

– Скорей бы он сюда перебрался, – усмехнулся Ахеменид

Вокруг рассерженно защёлкали бичи.

– Не сидеть! Работать! Быстрее обратно!

– Зачем обратно? – переспросил у приятеля перс, уже понимая, что тот может ему ответить.

– На берегу осталось ещё много камней.

Так и не успев Ахеменид толком осмотреть долину мёртвых. Заметил только среди строений какие-то скульптуры. Обратный путь работники проделали почти бегом, подгоняемые окриками и бичами надсмотрщиков.

– Когда-нибудь я убью всех троих! – в сердцах пообещал Арсам.

– Не тяни с этим, – буркнул Ганнибал.

– Начну прямо сейчас!

Перс резко остановился, гордо поднял голову, надсмотрщик тут же замахнулся на него бичом, заорал:

– Не стоять! Идти!

Тонкая змея бича распрямилась в воздухе, метнулась к непокорному рабу, Арсам поднял руку, схватил её конец, дёрнул к себе. Надсмотрщик, никак не ожидавший такой наглости, крепче сжал рукоятку, потянул на себя. Перс дёрнул сильнее, и незадачливый египтянин потерял равновесие, едва не повалился на дорогу, выставил вперёд прямые руки, опёрся на них, оказавшись на четвереньках. Дружно, как по команде, работники номарха загоготали, уставившись на него. Остальные надсмотрщики не могли допустить такого безобразия. Они принялись щёлкать бичами, но их усилия пропали даром, ведь один кнут остался у перса. В умелых руках это орудие пастухов стало грозным оружием. Отобранный Арсамом бич свистел в воздухе, ловко сплетался с другими кнутами. Вскоре неуклюжие египетские надсмотрщики остались безоружными. Изменившееся положение совсем сбilo их с толку, развеселившиеся гогочущие работники показались им такими опасными, что грозные, недавно крайне самодовольные, они стали пятиться и под улюлюканье бросились наугад.

– Здорово! – воскликнул Ганнибал.

– А что дальше? – серьёзно спросил перс то ли у приятеля, то ли у самого себя. – В любой другой стране рабы разбежались бы по окрестным кустам, а здесь...

– А здесь нет ни кустика, да и людям бежать некуда. Просто разойдутся по домам, и будут ждать нового рабочего дня, – вздохнул египтянин.

– Это что ж, мне покорно возвращаться к номарху? – возмутился Ахеменид.

– Перед тобой роскошный выбор, – посмеялся над ним темнокожий, – хочешь – иди медленно помирать в пустыне или подразни крокодилов, чтоб быстрее съели

– Умешь утешить, – усмехнулся Арсам, – пожалуй, я бы рискнул сбежать, может, добрался бы до крупного города, пристроился бы к каравану, да не могу...

Приятель глянул на него внимательно:

– Что-то здесь не чисто! Кажется, царского родственника держит здесь не только слово.

– Ты бы её видел, – восхищённо вздохнул влюблённый.

– Видел, – пожал плечами его приятель, – бывают и краше. Видал я и ноги длиннее, и стан стройнее.

– Не в этом дело, Анахит необыкновенная!

– Правду говорят, что все влюбленные глупы, – рассмеялся Ганнибал, – так ты согласен быть рабом её мужа?

– Это ненадолго, вот-вот Камбиз предпримет новый поход в Египет.

– Отлично! Дожидайся дядю, или кто он там тебе. А я отправлюсь домой, мне чужих царей ждать не резон. Смотри, все работники уже разошлись, а ты топай к своей несусветной красавице и её муженьку.

– Ладно, встретимся завтра и надсмотрщиков погоняем, – улыбнулся перс.

– Смотри, номарх твоё самоуправство так не оставит! Накажет от всей души.

– Вряд ли, – надменно произнёс Ахеменид.

Приятели разошлись в разные стороны, Арсам не спеша зашагал к владениям Херихора. Вроде бы и дорогу уже знал и тумана никакого не было, а вместо жилища верховного жреца, увидел перед собой незнакомый домик, такой крохотный и низкий, что перс не сумел бы в него войти даже на четвереньках. Арсам потерял глаза:

– Снова демоны шутят!

Домик не исчез, а из узкой маленькой дверцы вышел человек невероятно маленького роста. У него была уродливо большая голова с лягушачьим ртом, крохотные ручки и ножки.

– Что ты здесь делаешь? – строго спросил карлик у иноземца.

– Хотел бы я сам это знать, – честно ответил Арсам.

– Бродишь без цели? – осудил его незнакомец.

– Как раз цель у меня была, но она куда-то делась.

– Вечно вы, смертные, всё усложняете!

– Так ты тоже бог? – сообразил перс.

– Почти.

– С твоим-то ростом и этого достаточно. А ты за что отвечаешь? – спросил Ахеменид фамильярно.

Маленький божок не обиделся, принялся отвечать обстоятельно:

– У меня много забот, весь домашний уют на мне. Я и женщинам помогаю, за очагом слежу...

– Вот ты мне и скажи, – перебил Арсам, – где этот самый очаг? Куда подевался?

– Глупый ты, – надулся карлик, – невежливый, не буду тебе помогать.

Он рассерженно топнул ножкой и разом исчез, вместе со своим крохотным домиком. Вокруг Арсама снова разлеглись тёмные поля, а впереди показались постройки владения номарха. Перс двинулся к ним, совершенно не представляя, что скажет хозяину, и не заботясь о том, что может услышать в ответ. Дневной воздух становился всё жарче и, раскаляясь, терял утреннюю прозрачность. Перс снова предался воспоминаниям о ясной хрустальности горного прохладного рассвета в родной Персиде. Ему даже показалось, что сонные облака Египта стали ярче, а плотный горячий воздух холоднее и свежее. Впереди на дороге ветерок закрутил пыль. Она покачнулась, напомнила персу женский

силуэт. Он присмотрелся, расплылся в счастливой улыбке. Ему навстречу неспешной плавной походкой шла прекрасная Анахит.

– Откуда она здесь? – удивился Ахеменид. – Почему одна?

Женщина приближалась, ласково улыбалась Арсаму. Ветерок трепал выбившуюся у неё из прически прядь волос. Обычно сдержанная жена номарха откровенно обрадовалась неожиданной встрече, протянула Арсаму руку, обратилась к нему:

– Как хорошо, что здесь нет посторонних глаз, я так устала от постоянного надзора мужа и его матери.

– Ты не представляешь, как я счастлив увидеть тебя! – вторил ей влюбленный. – Значит, не зря я раздражил этих мерзких надсмотрщиков. Не представляю, как народ терпит здешние порядки.

– Да ну их всех! – махнула рукой женщина. – Сейчас мне нет дела ни до кого на свете.

Красавица подошла совсем близко, окутала Арсама терпким ароматом душистых масел, ещё мгновение и он обнял бы её...

Ахеменид вдруг почувствовал, как земля у него уходит из-под ног, словно растворяется. Он стремительно падал, проваливался в золотую шуршавшую воронку зыбучих песков. Перс крикнуть не успел, как песок втянул его по плечи, и сухой волной сомкнулся над головой. Арсам зажмурился, уверенный, что уже умер. Но он не почувствовал ни удушья, ни мерзкого вкуса песчинок на губах. Открыв глаза, он поразился яркому освещению. Большущий зал был пронизан лучами струившимися от круглых зеркал, отражавших солнечный свет, лившийся из единственного отверстия в потолке.

– Вот уже второй раз не могу умереть по-человечески, – вслух возмутился Ахеменид.

Эти его слова вызвали приступ громкого хохота со всех сторон.

– Ну, и куда меня опять угораздило попасть? – осведомился перс.

По залу вновь прокатился смех. Арсам крутил головой, но не мог никого разглядеть. Он стоял в центре освещённого круга, а стены зала тонули в полутьме, из этой мглы вышел уже знакомый шакалоголовый Анубис..

– Только не надо притворяйся, что ты вовсе не испытываешь страха! – протявкали он.

– А что, есть чего бояться?

– Да, – рассвирепел Анубис, – бойся, здесь есть чего испугаться! Я тебе покажу!

Раздался оглушительный взрыв, яркая вспышка обожгла глаза, и свет исчез, оставив густую непроглядную тьму. Тишина звенела в ушах, нагоняя жуть. Арсам хотел поднять руку, пошарить вокруг, но сразу наткнулся на холодный мёртвый камень. Со всех сторон была шершавая каменная стена. Вот когда сердце гордого племянника царей Парсы

пронзила раскалённая игла ужаса. Под ногами и над самой головой тоже был твёрдый камень.

– Вот и всё! – голос Анубиса скрипел металлом. – Больше ты не Ахеменид, ты никто! Тебя замуровали и забыли внутри каменной кладки! Здесь мое царство!

У Арсама даже пропало желание спорить с чужим богом. А бесплотный голос продолжал:

– Разве тебе никогда не говорили, что чужие порядки нужно уважать! Вот зачем ты нахамил старику Бэсу?

– Кому? – не понял пленник.

– Безобидному божку, хранителю очага!

– Всё-таки это был Бог?

– Можно подумать, с людьми ты обращаешься уважительней, – увещевал Анубис.

Бог продолжал сердиться, но Арсаму показалось, что стены вокруг него стали менее плотными, раздались вширь и вовсе растаяли в темноте. Перс вдохнул свежий холодный воздух, он снова был абсолютно один на широкой ладони африканской пустыни. Над головой поднималось немыслимо высокое звёздное небо. Вокруг лежали большие барханы, до самого еле различимого горизонта – только песок. Перс уже ждал, что к нему снова обратится бог загробного мира, но пустыня надменно молчала. Время шло, и мало-помалу Арсам возвращался к реальности. Ему было холодно, голодно, хотелось пить и просто понять, где он находился. Он сделал несколько шагов в одну сторону, резко повернул, пошёл в другую. Уселся на вершине бархана, пытаясь осмыслить всё случившееся и решить, что ему теперь делать.

Глава пятая ЗОЛОТОЙ ГОРОД

Мириады звёзд холодно смотрели с чёрного неба на погружённую в ночную тьму пустыню.

– Новолуние, – вздохнул Арсам, – ничего не разглядеть. Хоть бы знать, где я теперь, далеко ли от людей?

В его голову не приходило ни одного разумного объяснения – ни того, что с ним случилось, ни того, где бы он мог оказаться.

– Придется ждать утра, – решил перс, – может, удастся заметить хоть что-нибудь, чтобы сориентироваться. Остается надеяться, что день не принесёт смертельной жары.

И он остался на месте ждать рассвета. Прекрасно зная, что время быстрее всего проходит, пока спишь, Ахеменид разлегся на неласковом

песчаном ложе. Подумал, что напрасно оставил в поместье Херихора свой халат.

– Как бы он сейчас пригодился.

Стараясь уснуть, перс пожалел, что его работа так быстро закончилась. Он не успел устать достаточно, чтобы уснуть мертвецким сном. В голове долго крутились события прошедшего дня. Больше всего влюблённому хотелось разгадать загадку появления Анахит. Его мучили сомнения, в какой момент началось колдовство. Была ли красавица на самом деле. Крепкий сон положил конец его размышлениям.

Утром Ахеменид проснулся от холода, поверхность пустыни вокруг тонким слоем покрыла ледяная изморозь. Она мгновенно исчезла под первыми солнечными лучами.

– Эх, сохранить бы хоть чуточку этой прохлады до полудня. Какое гиблое место – эти пустыни! – бранился Ахеменид, отряхивая песок.

Со своего высокого бархана он снова осмотрел всё вокруг и воскликнул радостно.

– Как я мог не заметить?!

У самого горизонта были ясно видны плоские крыши многочисленных построек.

– Целый город! – порадовался Арсам. – Хорошо, что я ночью решил остаться на месте, а то ушёл бы в другую сторону и не смог бы теперь увидеть города.

Он спустился с бархана; заветная цель пропала из виду, но теперь перс точно знал, какого направления должен держаться. Перс торопился, почти бежал, хоть ноги вязли в песке. Поднялся на вершину нового бархана. Всмотрелся вдаль: Ахеменид не на шутку боялся не увидеть города на прежнем месте. Но поселение не было миражом, его по-прежнему было чётко видно. Арсам продолжал свой путь, он больше не торопился, не бежал, экономил силы. Ведь жаркие прикосновения дневного светила уже обжигали всерьёз. Знойное дыхание пустыни становилось всё более злым и тяжким. Снова перс пожалел о своем халате, отличная была бы защита от жестоких солнечных лучей.

– Только копчёные египтяне могут не прятаться от такой жары.

Совсем медленно путешественник поднялся на новый бархан, город стоял всё на том же месте.

– Наваждение какое-то, иду, иду, а проклятое поселение всё не становится ближе. Одно из двух: или воздух пустыни искажает расстояние – или опять не обошлось без шуточек местных божков. Как можно всерьёз верить в существование таких уродов?! – бурчал хмурый Арсам, снова спускаясь вниз с бархана.

Песок предательски осыпался под ногами, перс скользил, падал, кубарем катился вниз.

– Он ещё не верит! – услышал страшный шипящий голос.

Ахеменид вскочил на ноги, стал озираться по сторонам, но вокруг абсолютно никого не было! Горячий ветер гнал по барханам сухие песчинки, да коричневато-жёлтая под цвет пустыни змея быстро ползла прочь, оставляя после себя причудливый след.

– Надо скорей добраться до человеческого жилья, – решил Арсам, – иначе я окончательно сойду с ума от зноя и одиночества!

Он брёл по выжженной пустыне, не поднимая головы. С каждого возвышения жадно всматривался в очертания вожделенного города, но тот оставался всё так же далёк от него. Наконец резко, как тяжёлый занавес, на песчаное море упала ночная темнота. С её наступлением удушье сменилось холодом. Эмоциональный перс не жалел ярких эпитетов, громко браня пустыню, Египет и египтян с их богами. Арсам уже по привычке ожидал язвительного ответа. Да так и не дождавшись, продолжил свой нелегкий путь, ориентируясь на крохотный огонёк, горевший в далёком городке. Он смертельно устал, еле передвигал ноги. Но всё же ночью двигаться было гораздо легче. Солнце тяжким грузом не давило вниз, а медленно остывавший песок не обжигал ноги. Персу жутко хотелось спать и есть, но хуже всего была нестерпимая бесконечная жажда. Чтобы отвлечься, Ахеменид принялся строить грандиозные планы.

– Вот дойду, я покажу им всем! – грозился он. – В крупном городе наверняка уже стоят войска Камбиза. Свои меня встретят как победителя! Дома, наверняка, уверены, что я погиб. А я вот – он! Живой! То-то будет радости. Я сразу потребую отдать мне этого сморчка Херихора. Объявлю его рабом и заставлю...

Ахеменид с наслаждением стал представлять Херихора, выполняющего самую сложную работу. Но так и смог придумать ничего хоть отдалённо напоминавшего перетаскивание каменных глыб.

– Я привяжу такой камешек, – зло бурчал раб номарха, – и заставлю бегать с поручениями, пусть доставляет депеши в армию, или лучше...

Влюблённый лукаво улыбнулся.

– ...я поручу относить свои любовные письма Анахит.

Его мысли перескочили к прекрасной жене номарха.

– Лучше я подарю жизнь этого пузатого Анахит, пусть сама решает, что с ним делать. Тогда уж всё будет зависеть от того, насколько отвратительно вёл себя как супруг.

Влюблённый даже не сомневался, что Херихор был отвратителен. Планы мести отвлекли перса от тяжёлого пути и даже немного прибавили сил. Но под утро он окончательно выдохся, понял, что если не отдохнёт, то не сможет сделать ни шага. Ещё раз взглянув на огонёк, Арсам опустил на песчаный бархан и уснул, не успев даже произнести ни слова краткой молитвы.

Проснулся он от детского голоса:

– Эй, мужик, ты живой? – громко спрашивал незнакомый мальчик.

Он взял руку Ахеменида за мизинец, приподнял и отпустил. Кисть безвольно упала на песок.

– Совсем дохлый, – подытожил мальчуган.

– Я очень даже живой, – вяло возмутился Арсам, но поднялся на ноги.

– Ну, надо же! – присвистнул незнакомец.

Он был совсем маленький, хрупкий. Так непривычно для египтян – голову его покрывали собственные волнистые локоны, а в руках он держал лук.

– Ты кто такой? – потребовал ответа Ахеменид.

– Шэду, а впрочем, какое тебе дело, чужак, – поморщился мальчик.

– Дорогу до города знаешь?

– Конечно, только мне некогда, дела у меня здесь.

Он повернулся к персу спиной и исчез. Только шустрая змейка прошуршала по песку.

– Опять эти демоны! – выругался Арсам. – Что они ко мне пристали? Жил себе жил, как все остальные, нет, вляпался в это египетское колдовство.

Он плюнул, а день уже был в самом разгаре.

– Жалко, этот пацан не разбудил меня раньше, – посетовал путешественник, – а может, я и вовсе проснулся из-за жаркого солнца, и никого не было, – засомневался он.

Внимательно посмотрев туда, где ночью горел огонёк надежды, ясно увидел заметно приблизившиеся дома и узкие улочки.

– Хорошо хоть город мне не приснился! Ни один мираж не может оставаться неизменным трое суток подряд, – порадовался он.

Между строениями были уже видны одинокие пальмы с длинными обвислыми листьями.

– Дома в этом городе так высоки, что совсем не видно деревья.

Размышляя об этом, Ахеменид снова двинулся в путь, краткий отдых пошёл ему на пользу, последний участок показался ему гораздо короче и легче бесконечных скитаний прошлых дней.

– Опять какие-то чудеса со временем, – решил Арсам.

На пустыню ещё не упал ночной холод, когда Ахеменид подошёл к каменной ограде с зубцами незнакомого египетского города. Он прошёл между двумя сторожевыми башенками через ворота, пересёк дозорную дорогу и оказался перед воротами внутренней высокой стены из кирпичасырца. Эти ворота напоминали сирийский бастион. Между двумя мощными башнями стояла третья, шириной в двенадцать шагов, с проходом посередине, через который могла пройти только одна колесница. Консоли подпирали головы извечных врагов Египта – ливийцев, азиатов и нубийцев. Каждый проходящий должен был испытывать гнетущее чувство. Ахеменид увидел привычную

помпезность, как в Вавилоне и Сардах, Пасаргадах и Экбатанах, Кирсимате. Городские ворота были покрыты золотыми пластинами с силуэтами фараонов и богов, цветные эмали украшали рисунок. Арсам сразу узнал шакалоголового Анубиса и виденного среди богов великана с соколиной головой. Но даже не звериные лики были самыми странными в этих фигурах, а то, что их лица и ноги были изображены в профиль, широкие плечи и руки в анфас. Все персонажи стояли в этой невообразимой позе, включая длинную вереницу рабов у ног фараона. Среди этого золотого изобилия персу очень не хватало ярко-голубых мозаик и гладких чёрных колонн его родины. Окружавшее его искусство было столь специфично и условно, что поражало своей холодностью и неподвижностью. Украшавшие стены фигуры людей казались переломанными в поясице и ни капельки не походили на живых египтян.

– В этой стране слишком много жёлтого цвета, – поморщился перс, – жёлтый песок, жёлтые дома, жёлтое золото.

По широкой удивительно ровной улице навстречу иноземцу бежала худая ушастая коза. Повалившись на землю, она поднялась уже знакомым мальчиком. Персу хотелось потереть глаза, он даже тронул рукой мальчишку.

– Ты настоящий?

– Самый настоящий! – обиделся мальчуган. – А главное – я здесь на своём месте!

– То есть? – переспросил Ахеменид.

– То и есть, я местный, я – египтянин, не то что ты – чужак!

– Местный? Значит, знаешь название города? – обрадовался Арсам.

– Я-то знаю, а тебе и знать незачем! Это мой город и его, – он ткнул палец в золотого фараона на воротах, – и их, – он указал на изображения богов.

– Час от часу не легче! Я что, сплю?

– Хочешь сказать, что я только сон? И всего этого в помине нет?! Ну, ты – хам! – бросил мальчик.

И весёлая худая коза побежала дальше. Арсам перебрал все ему известные способы проснуться. Но его старания пропали даром. Покрытые золотом городские стены незыблемо стояли на своем месте. Приятная немолодая женщина, стоявшая поодаль, смотрела на него с явным сочувствием.

– Тяжело тебе у нас.

– Пожалуй, – согласился честный перс.

– Много непонятного?

– Да, буквально всё шиворот на выворот.

– Ну, что же теперь поделаешь, – вздохнула женщина и растаяла в воздухе.

– И эта туда же, – рассердился Ахеменид, – или я сошел с ума, или это мир демона Ахримана. За что мне это наказание?!

– За наглость! – охотно объяснил возникший ниоткуда хищно улыбающийся Анубис. – Нельзя себя так вести на чужой земле. Вредно.

– Вот завоюет Камбиз ваш Египет, станет фараоном, и будет земля нашей.

– Тогда и посмотрим, а пока ты здесь один такой наглый.

– Я не наглый, я – честный!

– Нашел чем гордиться!

– Ложь – ужасный грех! – подчеркнул зороастриец.

– Может у вас и грех, а у нас правдой заведует специальная богиня.

– И на кого она похожа?

– Сам узнаешь, позже, может быть.

– Так у этого безобразия ещё будет и продолжение? – возмутился Арсам.

Его уже никто не слушал. Широкая улица была удивительно пустынна и тиха. Вдоль неё высились фасады больших трехэтажных домов, украшенные рядами тонких колонн в виде стеблей папируса, поддерживающих большие балконы. Стены были обильно покрыты сложными барельефами, изображавшими пиры разноликих богов и празднества в их честь. Впереди была видна яркая зелень садов. Перс удивлённо озирался.

– Какой странный город, совсем без жителей, если только...

Арсама поразила догадка:

– Неужели здесь обитают только внезапно пропадающие существа?! Так это город египетских Богов! – воскликнул он и в задумчивости почесал затылок. – Осталось определить, что я здесь делаю. Может, я уже мёртв?! Интересно, это рай или ад? У кого бы спросить?

Спросить было абсолютно не у кого. Народа не было ни души. Только ветер гонял облачка пыли.

Из-за угла дома появился чей-то силуэт. Арсам бросился было к нему, но застыл на месте. Прохожий не был человеком, тяжёлую бычью голову украшали длинные рога.

– Час от часу не легче!

Перс шархнулся в какой-то узкий переулок, не желая встречаться с угрюмым незнакомцем. Он прижался к каменной стене, сплошь покрытой мелкими выбитыми рисунками, очень похожими на длинный текст. Чаще всего повторялся силуэт сокола. Бычья голова медленно проплыла мимо, Ахеменид не торопился покинуть своё убежище. Смотрел, не появится ли кто-нибудь ещё. По ровной, тщательно утопанной улице, задрвав хвост со смертоносным жалом, воинственно подняв клешни, на тонких ножках быстро пробежал необычно крупный чёрный скорпион. Его настигла длинная стрела. Пронзённый скорпион растянулся в пыли, уронил хвост и

исчез. Стрела упала на землю. Шэду подбежал, подобрал её. Арсам с интересом наблюдал в кого он превратится на этот раз. Пацан радостно подпрыгнул, издал победный клич и вприпрыжку побежал дальше. Перс осторожно выглянул из-за угла, посмотрел ему вслед, но на это раз он... и не думал становится животным.

– Может, все-таки эти ненормальные превращения прекратились?!

Но Ахеменид напрасно надеялся; стоило ему произнести эти слова, как широкая улица наполнилась всевозможными зверями. Грозные львы рыкали на тонконогих антилоп. Обезьяны пытались ловить суетливых ибисов, а крокодилы деловито ползли мимо них.

– Безумие продолжается, – вздохнул Арсам.

Больше других перса поразили звери с гладко-тёмной толстой шкурой и чудовищной пастью. Словно для большого сходства с поросятами их хвостики были крохотными и загнутыми крючком. Он не знал названия этих животных и предположил, что в реальности таких монстров быть не может. Между тем, крокодилы добрались до огромного бассейна и осторожно погрузились в воду. К удивлению перса, за ними последовали свиноподобные чудовища и с шумом плюхнулись в бассейн. Ахеменид наблюдал за буйством африканского мира, буквально открыв рот. Но он совершенно лишился дара речи, когда увидел между всевозможных зверей и чудовищ – самого себя! Среди египетских животных второй Арсам чувствовал себя очень уверенно, и дикие звери, не тронув его, даже уступали дорогу. Двойник заметил перса и, приветливо замахав ему рукой, пошёл навстречу. Храброму Ахемениду почему-то жутко захотелось спрятаться, чтобы избежать встречи. Незнакомец быстро приближался, и перс не мог найти ни одного отличия.

– Ты кто такой? – сразу спросил его перс.

– Твой хозяин, – надменно ответил двойник.

– Один у меня уже есть, – рассердился Арсам, – что-то вас слишком много.

– Я – Шаи, хозяин твоей судьбы!

– Хватит с меня хозяев.

– Это не тебе решать.

– Я сам – творец своей судьбы.

– Зря ты так уверен, да я тебя в два счета...

...два Арсама сцепились не на жизнь, а на смерть. Осыпали друг друга ударами, ставили подножки, бились, ни в чём не уступая. Наконец одному удалось одержать вверх, он повалил соперника на землю, надавил коленом на грудь.

– Ну, кто теперь хозяин? – победно воскликнул Арсам.

Он не успел насладиться триумфом, как почувствовал, что поднимается над землёй. И не сразу сообразил, что второй Арсам, став чудовищно огромным, легко, словно пушинку, держит его на ладони.

Ахеменид опасливо глянул вниз: маленький, будто игрушечный город лежал далеко у ног гиганта. Огромный Арсам расхохотался громко и раскатисто, словно гром прокатился по небу.

– Говоришь, победил?! – оглушительно осведомился хозяин судьбы.

– Так ты тоже Бог? – вздохнул Арсам-человек.

– Какой догадливый, – веселился второй Арсам.

Гигант повернул ладонь, смахнув маленького человека, словно невесомую песчинку. Перс стремительно падал с огромной высоты, воздух свистел в ушах. Твёрдая земля приближалась со страшной скоростью. Великан наклонился, подхватил его в последний момент, поставил на песок. Сам стал уменьшаться. Вскоре напротив друг друга снова стояли два абсолютно одинаковых человека.

– Неужели ты и теперь будешь упорствовать в своем непочтении к богам? – с угрозой в голосе спросил Шаи.

– Вы все не боги, а лишь демоны, созданные Ахриманом – вселенским злом, а бог для меня только один – Ахура Мазда! – объяснил зороастриец свое презрительное отношение к египетским богам.

– Это мы-то не боги! – яростно загремел властелин судьбы. – На колени, смертный!

Перс только гордо поднял голову.

– Я опущусь на колени только перед Ахура Маздой! А все ваши происки напрасны!

– Твоего бога здесь нет! – злобно зашипел Шаи.

Образ человека медленно таял в воздухе, и вместо него перед непреклонным Ахеменидом раздувала капюшон огромная кобра. Между двумя ядовитыми зубами мелькал тонкий раздвоенный язычок, а слова шуршали откуда-то сверху.

– Я волен творить с твоей судьбой всё, что мне захочется! Захочу – верну тебя в прошлое...

Звук его голоса ещё звенел в воздухе, когда Арсам понял, что вокруг него нет ни города, ни диких зверей. Справа, слева, впереди и сзади – всюду только был раскалённый полуденным солнцем песок. Он опять оказался посреди пустыни, там, откуда началась его трудная дорога к золотому городу. Осознав это, Ахеменид пришел в бешенство.

– Будьте вы прокляты, африканские уроды!

Он в отчаянии пнул бархан, песок осыпался, обнажив норку скарабея, жучок поспешно бросился наутек.

– Только этого не хватало! – сердился Арсам. – Начинать всё сначала выше моих сил! Вот возьму и пойду в другую сторону, может, тогда мне повезёт встретить нормальных людей, а не это дикое скопище уродов.

Окинув взглядом волнистую поверхность пустыни, песочно-жёлтую под бесцветным от жары небом, пытаюсь сориентироваться и припомнить, куда он шёл в прошлый раз. На всякий случай круто

развернулся и пошёл назад, надеясь, что с каждым шагом удаляется от негостеприимного города. Жара растягивала время, превращала минуты в часы, каждое движение в непосильный труд.

– Однако я свалил дурака, – вздохнул перс, – надо было не удивляться на уродливых жителей и зверей, а напиться воды из того бассейна. Я готов выпить его весь до дна!

Полуденное солнце нещадно жгло спину, голова кружилась от усталости и голода. Арсам облизывал пересохшие потрескавшиеся губы, хрипел зло:

– Когда уже сядет это дурацкое солнце?! Когда ночь принесёт прохладу?! Никогда раньше я не умел так ненавидеть божественное светило!

Но день застрял, казалось, в своем апогее. Достигшее зенита солнце совсем не клонилось к закату.

– Это Шаи шутит со временем, – догадался перс.

Ещё долго бесцельно он брёл по бесконечным барханам. Путник уже совершенно выбился из сил и еле переставлял ноги. Наконец, запнувшись, повалился на жёсткий песок и остался неподвижен. Арсам равнодушно проводил взглядом скарабея, толкавшего перед собой свой вечный шарик, и закрыл глаза...

«Всё! Не могу, не хочу! Это конец!»

...все тело обдало сладкое живительное чувство счастья. Арсам, расслабившись, лежал в прохладных водах того самого бассейна. После смертоносного жара пустыни голубая вода была бесконечно прекрасной. Перс нырнул, проплыл немного, вынырнул, стал пить, зачерпывая воду руками. Потом наклонил голову и хлебал как животное, долго не мог победить жажду. Он снова нырнул и ещё из-под воды различил тёмное вытянутое тело крокодила. Оно медленно двигало короткими лапами, незаметно приближалось. Перс, как молния, метнулся к краю бассейна и выскочил на твёрдую землю. Тёмно-зелёный крокодил выставил из прозрачной воды только глаза, но был отлично виден весь. Чудовище было вдвое длиннее Ахеменида. Длинный хвост медленно двигался из стороны в сторону, плавные, ленивые движения рептилии внезапно приобрели стремительность. Он рывком выбросил себя на берег и удивительно быстро пополз к персу. Арсам и рад был бы броситься наутёк, да выскочил из бассейна не со стороны улицы, а возле высокой каменной стены какого-то строения. Он отступил назад и оказался зажатым в углу. В отчаянии шарил рукой по гладкой каменной кладке, почувствовал, что одна плита поддалась, вцепился в неё пальцами и потянул, что было сил, отломал большой кусок мраморной облицовки. Перс метнул её, попал точно по носу крокодилу, который собрался разинуть чудовищную пасть. Рептилия зарычала утробно, попятилась. Ахеменид бросился к ней, схватил кусок мрамора, принялся лупить

зверюгу по голове. Не дожидаясь реакции крокодила, Арсам перепрыгнул через него и бросился бежать по улице.

– Стой! Нельзя так обращаться со священными животными! – остановил его резкий оклик.

– Пусть лучше он меня сожрёт? – огрызнулся Ахеменид.

– Очистительная жертва прекрасна! – сладко улыбнулся двойник Арсама.

– Опять ты?!

– Всегда я, человек не может отделиться от своей судьбы.

– Тогда исчезни и веди себя скромно, как все остальные нормальные судьбы, – посоветовал родственник персидских царей.

Казалось, незнакомец задумался над предложением, почесал нос, спросил лукаво:

– А может, ты есть хочешь?

Арсам хотел съязвить, что уже научился питаться крокодилами, но он умел говорить только правду и выпалил:

– Да, хочу! Готов сам сожрать всех ваших священных животных.

– У нас и не священных полно, – легкомысленно заметил повелитель судьбы.

– Так идём быстрее.

Два Арсама свернули к ближайшему дому, через узкую дверь прошли в полутёмное помещение. Перс жмурился, привыкая к отсутствию яркого солнца.

– Ничего не вижу!

– Тогда нюхай!

Ахеменид потянул носом воздух, полный дурманяще-аппетитных запахов жареного мяса, приправ, винограда, фиников и свежих лепешек. Голодный перс сглотнул слюну.

– Хватит дразнить! Где эти все лакомства?

– Да вот же! – повёл рукой Шай.

Арсам потер рукой глаза; освоившись в полутьме, проследил за движением своего двойника и с удивлением обнаружил, что они стояли посередине большой комнаты, ближе к стенам которой было расставлено множество небольших резных столиков. Возле каждого располагалась пара изящных кресел с высокими подлокотниками и спинками. Их тонкие ножки опирались золочёными львиными лапами на разбросанные по полу циновки. Между ними красовались высокие из чёрного или синего сланца и светлого мрамора вазы. Каждый столик был заставлен посудой с дымившимися горячими блюдами и корзинами, полными фруктов.

– Ты ждёшь ещё гостей? – спросил перс.

– Нет, это всё для нас, – охотно ответил Шай.

– Зачем тогда понадобилось столько столов?

– Египтяне всегда накрывают все столы, когда готовят так много угощений.

– А им не приходит в голову, накрыть один большой стол?!

– Здесь вообще нет таких столов.

– И когда собирается много гостей, все так и сидят парочками? – не переставал удивляться перс.

– Здесь так принято, а ты-то – собираешься приступить к еде, или так и будешь приставать с расспросами?! – раздражался Арсам-бог.

Проголодавшийся Арсам-человек не стал тянуть время, быстро подошёл к ближайшему столику, уставленному всевозможными мисками, мисочками и блюдами. Ахеменид набросился на еду, не заботясь о том, что второй Арсам снисходительно наблюдал за ним. Только ощутив приятную сытость и запив всё вином, он стал критически осматривать столовую утварь. Хотя вся посуда была сделана из золота, она не отличалась ни сложностью отделки, ни богатством деталей.

– Далеко вашим мастерам даже до обычных ремесленников в Персии.

– Опять ты недоволен, – поморщился властелин судьбы.

– Можно подумать, ты стараешься сделать так, чтобы я всем был доволен! И, правда, зачем это тебе?!

– Честно говоря, я ведь бог доброй судьбы.

– Добрый? – удивился Арсам. – Странное у тебя понятие о доброте и счастье: то в пустыне жжёшь, то крокодилами травишь.

– Тут ты не прав, подумай хорошенько, – невозмутимо рассуждал Шаи, – был ли ты когда-нибудь счастлив настолько же, как в прохладном бассейне?

– Нет, вроде бы, – задумался перс, – но такой ценой...

– Какая разница, самое сильное счастье происходит только после горестей и испытаний.

– Тебе следовало стать богом Мудрости.

– Учеными-теоретиками занимается другой бог.

– А ты значит практик. Неужели все эти скитания по пустыне понадобились мне только для того, чтобы с удовольствием искупаться? – не верил Ахеменид.

– Не я всё это начал, ты сам виноват! Обидел злопамятного Бэса, и тот попросил Сета тебе отомстить. Повелитель пустынь забросил тебя в мёртвую Ливийскую пустыню, откуда люди не возвращаются.

– А как же город?

– Это Таид – город, которого никто не может найти.

– Так уж и не может?! – усомнился перс. – Я же нашёл.

– Вот и удивительно, как тебе это удалось. Таид – город Богов. В незапамятные времена Таитет-ткачиха, соткала волшебное полотно и отпустила по ветру, оно опустилось в ливийской пустыне, и возник на нём город Таид. Полюбился он богам верхнего и нижнего Нила, стали

они в нём собираться. Но когда налетает сильный ветер, подхватывает он полотно Таитет и уносит на другое место вместе с городом. Смертные не могут ни найти, ни увидеть волшебный Таид, – закончил свой торжественный рассказ Шаи.

– Похоже, это касается только египтян, раз уж я здесь, – гордо произнёс родственник персидских царей.

– Мне не ведомо, как могло это случиться, – произнес Бог доброй судьбы, – но тебе лучше забыть всё, что было.

– Иначе говоря, притвориться, что ничего не было? – переспросил честный зороастриец.

– Знаю, знаю, что врать ты не умеешь. Просто молчи, молчи как рыба.

Арсаму показалось, что он и на самом деле не может произнести ни слова. Пространство вокруг него заколыхалось.

Глава шестая НОВАЯ ЖИЗНЬ

– Опять! – громко воскликнул он и удивился, что слышит свой собственный голос.

Стены комнаты резко раздалились и исчезли. Вокруг больше не было города Богов, не было ни зверей, ни странных существ. Перед Ахеменидом снова лежала дорожка через поля, покрытые зеленью всходов, а впереди уже были видны постройки владения номарха. Арсам искал взглядом прекрасную Анахит, но он был один.

– Жаль, что она тоже была виденьем, – вздохнул влюблённый.

А тому, что рядом не было ни Шаи, ни уродливого беса, Ахеменид только порадовался. Он уверенно направился к поместью Херихора. По-прежнему ещё не особенно представляя, что он скажет, чем оправдает свое отсутствие и неповиновение.

«Надсмотрщики уже давным-давно вернулись и расписали всё в самом ужасном свете, – размышлял он, – да, не вовремя меня угораздило пропасть на три дня».

Войдя в ворота поместья, он был ошарашен, когда понял, что во владении номарха его долгой отлучки даже не заметили. Херихор, точно как в прошлый раз прогуливался по двору со своей палкой, встретил перса с мёртвым спокойствием.

– Хвала Богам! Ты не опозорил меня своим дурацким побегом. Вернулся. Ценю. Только не рассчитывай на особое отношение, – разорялся Херихор, забыв, что перс всё равно не поймет его.

Не представляя себе, как теперь ему лучше вести себя с хозяином, Арсам решил всё принимать как должное.

– Почему не споришь? – удивился Херихор.

– А надо? – усмехнулся Ахеменид, поняв его благодаря наставлениям Анахит.

Номарху так хотелось проявить всю полноту своей власти, может быть, покричать, покомандовать, но этот невозможный иноземец вечно лишал его всякой солидности. Херихор набрал в грудь воздуха, собрался сказать что-то веское, шумно выдохнул и промолчал.

– Так я пойду? – спросил Арсам, не заботясь о том, чтоб хозяин смог понять его слова.

– Иди... – озадаченно отозвался номарх.

Но уже когда перс подходил к отведённому ему строению, Херихор спохватился, крикнул в след:

– Надсмотрщики здесь уже четверть часа, где ты болтался?

– Где я только ни болтался, – устало вздохнул Арсам, не удостоив хозяина даже поворотом головы.

Иногда ему казалось, что он прекрасно понимал египетский или просто сказанные с такой интонацией слова хозяина не могли означать ничего другого.

Пустая сумрачная комната с голыми стенами с двумя уродливыми столбами показалась ему приятной и уютной.

– А ведь прав Шаи: только после тяжких испытаний чувствуешь настоящую радость.

Хенуу с наслаждением опустился на свою циновку, на прохладном полу вытянул ноги.

– Хорошо! Давненько я так сильно не уставал. Номарх что-то говорил о четверти часа, получается – моих скитаний по пустыне вовсе не было? Так, сон, наваждение? Нет! Не может быть! Всё было таким настоящим! И вода, и крокодил... как я его долбил той плитой.

Арсам улыбнулся воспоминанию, но сразу нахмурился:

– Только всё остальное точно не было реальным и нормальным, сплошные демоны Ахримана! К дурацким головам я уже начинаю привыкать, но второй Арсам – это слишком! Привидится же такое! Кто там на меня обиделся? – старался припомнить, уже засыпая.

Пробуждение было приятным. Ещё не открыв глаз, он почувствовал знакомый аромат душистых масел.

– Анахит... – прошептал он и поспешно сел на своей циновке.

Арсам проспал долго, и на мир уже успела опуститься темнота. Женщина держала в руке горящую лампу, золотое сияние освещало её лицо, делало Анахит ещё прекрасней. Перс любовался её большими тёмными глазами, подведёнными густо-зелёным малахитом, стрелами длинных ресниц, нежной, как молодой персик, кожей. Женщина заговорила, но влюблённый не разбирал слов, слушал её голос, как журчание ручья. Её рассердила его блаженная улыбка, она нахмурила густые брови.

– Ты меня слушаешь?! – возмутилась жена Херихора.
– А... что?..
– Мой муж очень сердит на тебя!
– Я видел.
– Он не смог этого объяснить тебе. И послал меня, чтобы я сказала, чтобы ты больше никогда не вёл себя, как... – замялась она.
– Как свободный человек и хозяин? – подсказал Ахеменид.
– Ну... да, ты же обещал...
– Да я просто понять не могу, – развёл руками перс, – эти ваши дурацкие порядки, такое впечатление, что вы боитесь друг друга просто по привычке.
– В чём-то ты прав, мы действительно живём по давно заведённым правилам и никогда ничего не меняем.
– Это ужасно! Дурацкие правила, дурацкие обычаи; кажется, в этой стране ничего не меняется уже сто лет!
– Гораздо дольше, – вздохнула женщина, – но в этой стабильности есть своя прелесть! Ты привыкнешь, поймёшь
– Не хочу я понимать! – возмутился Ахеменид. – Я, потомок Кира великого, не останусь здесь надолго! Здесь как будто все спят и видят дурной сон!
– Почему дурной? – удивилась женщина.
– Только в дурных снах можно волоком тащить каменные глыбы и приносить жертвы разным уродам!
– Не оскорбляй местных Богов, – шёпотом предостерегла Анахит, – они рассердятся!
– Уже сердятся! Пусть себе сердятся сколько угодно! – самонадеянно заявил Арсам. – Они вовсе не боги, только демоны. Их создал Ахриман, чтобы сражаться с Ахура Маздой, но человек сильнее их!
– Здесь боги Египта всесильны.
– Видел я их силы, – усмехнулся Арсам.
– Когда ты так говоришь, мне становится страшно, – призналась Анахит.
– Так ты боишься за меня?
– Да... – выдохнула она и потупилась.
– Тогда я люблю эту страну и всех этих богов! – счастливо улыбнулся влюблённый.
– Пообещай мне, – попросила женщина, – больше не злить ни богов, ни номарха.
– Я, честно, постараюсь, – прижал руку к сердцу перс, – но они все так неожиданно обижаются и злятся.
Анахит поставила на пол возле Ахеменида каменную статуэтку:

– Пока ты в моём доме, пусть этот Бог домашнего очага защитит тебя, мне так будет спокойнее, – быстрым шёпотом произнесла она и поспешно вышла, оставив рядом с фигуркой лампу.

Влюблённый проводил её нежным взглядом, прислушиваясь к звуку её лёгких шагов, и, только когда они стихли, перс посмотрел на нового защитника, – маленькая фигурка оказалась сладко улыбающимся карликом.

– Опять Бэс! – сплюнул Ахеменид.

Он снова разлёгся на своей циновке, но сон не шёл к нему. Его раздражало неотступное внимание каменного оберега. Казалось, что Бэс не сводит с него своих хитрых круглых глаз.

– Была б моя воля – вышвырнул бы тебя куда подальше! – обратился перс к карлику. – Да твоя хозяйка мне слишком дорога.

Он подошел и просто повернул фигурку к стене. Но не успел Ахеменид вернуться к своей циновке, пристроить свой свёрнутый халат под голову и блаженно потянуться, как заметил хитрый прищур египетского божка. Фигурка опять стояла на прежнем месте и ехидно улыбалась Ахемениду. Арсам повторил маневр, и мгновение спустя он снова увидел ехидного Бэса.

– Ты что, издеваешься?! – воскликнул он.

– Я здесь, чтобы следить за порядком, – скрипучим голосом объяснил божок.

– Здесь всё в порядке, – заверил перс, – можешь отдохнуть и оставить меня в покое!

– Теперь не могу, мне тебя поручили.

– Тогда охраняй вход, – нашёлся персидский воин, – чтоб ничего не случилось.

Хитрость удалась, и уродливый божок сам собой повернулся к двери. Арсам вздохнул с облегчением, однако скоро заскучал и снова обратился к Бэсу:

– Эй, а ты уже перестал дуться или мне ждать новых неприятностей?

– Я не злопамятный, а теперь и вовсе нельзя.

– Выходит, нам надо дружить?

– Выходит, – недовольно согласился хранитель очага, – только ты мне всё равно не нравишься!

– Какая досада! – усмехнулся Ахеменид. – Это почему же?

– Ты задумал зло, – Бэс собрал низкий лоб в тяжёлые складки, – ты задумал зло нашему хозяину.

– Херихору? – уточнил Арсам.

– Хозяину дома, главному жрецу – Херихору.

– Да, – рассмеялся перс, – старик на меня очень обидится, зато хозяйке будет хорошо.

– Хозяйке служит моя жена.

- Похожая на тебя?
- Да, – гордо кивнул Бэс.
- Бедняга, но ты ведь её любишь?!
- Очень.

В голосе карлика послышалось тепло и нежность. Его ужасная внешность преобразилась.

– Значит, она счастливая, – вздохнул Арсам.

– В любви я подсобить не могу, – солидно произнес защитник очага, – но хозяйка доверяет жене свои сердечные тайны; скажу по секрету – ты ей симпатичен.

– Неужели Анахит разговаривает с ней, точно так же, как мы?

– Не совсем, – засмеялся Бэс, – хозяйка говорит, а моя Бэсит внимательно слушает.

– Ну да, вы же каменные, – вспомнил Ахеменид, – осталось понять, отчего я с вами общаюсь, – вздохнул перс.

– Такими тайнами я не ведаю, спрости у кого-нибудь другого.

– Например, у Осириса, – буркнул Арсам.

– Осирис один из главных богов, хозяин загробного мира.

Ахеменидом завладела страшная мысль, холодом скользнула по спине:

«Может, я уже умер? И всё, что происходит в последнее время, – чудеса загробного мира...»

Арсам смолк, глубоко задумался. Бэс только этого и ждал, не желая продолжать разговор с этим назойливым смертным. Он разом окаменел и утратил малейшие признаки своей недавней активности. Перс даже не смотрел на него, погрузившись в невеселые размышления:

«Выходит, я всё-таки утонул! Ведь именно тогда всё началось! Сперва были огромные быки из Экбатан, – вспоминал он. – Странно: одно и тоже имя Шеду у нас и у египтян означает совсем разное; вот бы дома посмеялись, если б я рассказал, что здесь Шеду не крылатый бык, а маленький мальчик с луком».

Перс улыбнулся, и, будучи оптимистом, сделал весьма своеобразный вывод:

«Если я мёртв и всё вокруг нереально, значит, здесь мне уже ничего не грозит! Можно творить всё, что захочется!»

Ахеменид резко вскочил на ноги, подхватил свой халат, встряхнул, чтобы расправить и воскликнул:

– Раз так, пойду искать Анахит!

Набросив халат, он выскользнул из своей каморки, не заметив ужаса, искажившего лицо каменного карлика. На этот раз ночь была прекрасна и светла под лукавым оком молодой луны. Были отлично различимы все постройки в имении номарха, но их одинаково ровные кубики перса не заинтересовали. Он сразу направился к центральному зданию возле

бассейна, украшенному четырьмя колоннами без привычных Ахемениду пышных пилястр. Весь двор был расчерчен чёткими чёрными тенями. Воинственный Арсам смело скользил между ними. Когда он уже оказался возле крайней колонны, из дома донесся какой-то шум; перс замер, скрывшись в плотной тени. Он увидел, как единственная расположенная сбоку дверь отворилась, показалась фигура женщины; влюблённый с восторгом узнал в ней Анахит. Она долго стояла, задумчиво глядя на резные верхушки пальм, подсвеченные таинственным лунным сиянием. Усталым жестом поправила волосы, пошла к бассейну. Влюблённый решился перехватить её:

– Анахит, – тихо позвал он, не желая напугать женщину.

Она вздрогнула, обернулась, возмутилась:

– Что ты здесь делаешь?! Ты должен...

– Я вдруг понял, – признался Арсам, – что совсем ничего не должен!

– Как это? – очень удивилась Анахит.

– Ведь мёртвые уже никому ничего не должны!

– При чём здесь мёртвые?

– Это я мёртвый! – заявил Ахеменид.

– О, Боги! – испугалась женщина.

Новоиспеченный покойник счастливо улыбался.

– Я всё понял, я помер уже давным-давно! Утонул вместе с остальными солдатами и гребцами.

Дочь Мидии смотрела на него с ужасом.

– Что ты говоришь?! О чём ты?!

Воодушевлённый, Арсам шагнул к ней.

– Я уже отлично знаком с вашим шакалоголовым...

– Анубисом? – ужаснулась Анахит.

– Не только с ним.

– Как? Когда?

– В самом начале, как только к вам попал, долго шастал между вонючих озёр за каким-то беднягой. Он ещё бормотал странную белиберду.

– А ворота там были?

– Двое или трое.

– Это точно Дуат! – ахнула жена Херихора. – Твоё сердце взвешивали на весах?

– Взвешивали, только не моё, – легкомысленно ответил перс, не понимающий её страха, – меня выгнали.

– ...Выгнали? – совсем растерялась Анахит. – Но кто?

– С ним я ещё не знаком, – отмахнулся Ахеменид, – этакий великан с пожаром на голове.

– Нельзя так говорить о богах! Они отомстят!

– Да нет, они вовсе не такие злобные ребята.

– Откуда тебе знать! Мой муж – верховный жрец – регулярно общается с богами, и ему известен их суровый нрав.

– Может, они только к нему суровы? – лукаво сощурился перс. – Мне, например, он тоже не нравится!

– Ты всё шутишь. Совершаешь поступки, совсем не заботясь о завтрашнем дне. У нас говорят, что ты не идёшь шагами Ибиса.

– При чем тут Ибис?

– У египтян Ибис считается очень мудрой птицей. Они давно заметили, что он не сделает ни шагу, хорошенько не рассмотрев куда, наступает.

– Да, это точно не про меня. Я и при жизни-то не был осторожным, а теперь и бояться нечего.

Анахит грустно покачала головой.

– Плохое оправдание безрассудству. Одни боги ведают, откуда к тебе приходят такие странные сны и про Дуат, и про местных богов, но ты точно ещё не в мире мёртвых. Ведь мы все вокруг живы и абсолютно реальны.

Женщина тяжело вздохнула.

– Извини, я всё о себе. Муж тебя обижает?

Красавица брезгливо одёрнула рукой, как кошка, наступившая в воду. Бросила раздражённо:

– Херихор тряпка, он всего боится.

– Даже тебя? – удивился перс.

– И меня, и всех вокруг. Порой я удивляюсь, почему боги создали его человеком, а не крысой.

– Он тебе так неприятен?

– Я к нему привыкла, – вздохнула дочь Мидии.

– Когда в Египет войдут персы, я избавлю тебя от него.

В ответ на хвастливые обещания Ахеменида женщина только загадочно улыбнулась. Влюблённый счёл эту улыбку добрым знаком, он решил подойти, взять её за руку, Анахит руки не отняла...

– А-а-а!

Перс резко обернулся на крик. На пороге дома номарха стоял Херихор, он размахивал руками, лицо исказила отвратительная гримаса ужаса, возмущения, обиды и ярости. Его истеричный вопль сменился потоком слов коротких и грубых, как приказы или ругательства. Номарх подскочил к Анахит, схватил жену за руку, дёрнул к себе, толкнул в дом, она легко подчинилась. Арсам не решился остановить её силой. Он только проводил долгим взглядом и вовсе не заметил, как вокруг набежали верные слуги Херихора. Они все были вооружены тесаками – топорами странной формы. Перс впервые видел египетское оружие. В свете луны наточенный металл красновато блеснул. Арсам был воином, не растерялся ни на секунду. Он, готовый сражаться, но совсем

безоружный, вынужден был отступить к одной из колонн. Вокруг не оказалось ничего подходящего: ни палки, ни доски, ни камня. Оставалось драться голыми руками. Ахеменид вспомнил старую хитрость и кубарем бросился под ноги нападавшим. Сразу двое египтян повалились на землю. Один из них выронил свой тяжёлый тесак. Перс подхватил его, вскочил на ноги. Теперь слуги номарха медлили, не нападали, несмотря на своё большое численное превосходство. Они вшестером старались окружить иноземца. Арсам с угрозой покрутил в руке неудобное чужое оружие.

– Ну же, смелее, кто первый хочет стать дровами?!

Египтяне не поняли ни слова, но надменный, уверенный вид противника напугал их больше угроз. Никто не двинулся с места. Херихор старался подтолкнуть своих людей, кричал что-то гортанное и возмущённое. Казалось, он сам готов ринуться в бой, только кто-то невидимый удерживает его за шиворот. Зато он делал страшное лицо, выкатывал глаза и скрежетал зубами.

– Смотрите, как мучается человек. Помогите хозяину! – злорадно бросил Ахеменид.

Его весёлость ещё больше взбесила номарха. И он рывкнул на слуг так, что они разом ринулись на иноземца. Ловкий, как кошка, Арсам отбивал все удары. В пылу боя ему казалось, что ночь ярко освещена красным огнем. Он совсем потерял из виду Херихора и вспомнил о нём только тогда, когда, зло шурша, воздух рассекала стрела и впиалась ему в плечо.

– Мазила! – вырвалось у перса.

Номарх, метивший противнику в голову, с досады бросил лук, поспешно ушёл в дом. Разгорячённый бешеной дракой, Арсам вырвал стрелу, бросил под ноги. Плечо залила горячая кровь. Как только номарх ушёл, его слуги разом перестали нападать и отступили от раненого, но, вполне заслуженно опасаясь его, замерли в воинственных позах, выставив вперёд свои топоры. Перс обвёл их взглядом исподлобья, как затравленный зверь. Он тяжело дышал, но был ещё полон сил. Трусливое отступление египтян разозлило Ахеменида.

– Труссы! – крикнул он, забыв, что осторожные слуги Херихора всё равно не поймут оскорблений. – Трусливые крысы! Ну, нападайте же!

Египтяне переглядывались и не двигались с места. Бездействие было не по нутру решительному Арсаму. Он двинулся вперёд, и противники отступили, не нарушив круг. Перс метнулся в сторону, и круг качнулся за ним. Ахеменид не мог ни дотянуться до своих врагов, ни скрыться от них. В отсутствии командира египтяне проявляли бестолковую слаженность. Иноземцу никак не удавалось спровоцировать на драку хоть одного из них. Пауза затягивалась, а между тем Арсам почувствовал, что из-за раны теряет силы. Неудобный топор стал слишком тяжёлым, пришлось переложить его в левую руку. Ахемениду казалось, что луна

зашла, и ночная тьма сгущается вокруг него. Он уже плохо различал худощавых слуг Херихора. Ноги стали ватными, к горлу подползла мерзкая тошнота...

Перс очнулся от холода. Над ним высились знакомые стены, поодаль различались два светлых столба, над головой был потолок. Он лежал на холодном каменном полу. Плечо ныло, но он не почувствовал липкого тепла вытекавшей из раны крови. Ахеменид повернул голову, крайне удивился, увидев на плече тугую повязку.

– Почему я не помню, как оказался здесь, – поморщился он. – Хорошо уже то, что хотя бы драка была точно.

Арсам повернул голову в другую сторону, туда, где стояла каменная фигурка Бэса.

– Эй, ты же был здесь, хоть расскажи, что видел, – привычно обратился он к божку.

Но ответом ему была полная тишина. Хранитель очага оставался нем и неподвижен. Ахеменид хотел подойти к нему встряхнуть, но металл больно дёрнул ногу. Раб Херихора обнаружил, что снова прикован цепью к каменному столбу.

Глава седьмая РЕАЛЬНОСТЬ

Волна бешеной злости захлестнула гордого сына Персии. Ему хотелось новой драки, Арсам чувствовал себя готовым сразиться с целой сотней египтян. Казалось, злой силы хватит, чтоб одним движением порвать ненавистную цепь. Он схватил свои металлические узы, дёрнул... Перс даже удивился, что толстая цепь не поддалась. Ни одно звено не разомкнулось. Он дёрнул снова, проклятая медь осталась невредимой.

– Я убью этого Херихора! – воскликнул Ахеменид. – Никто его не спасёт! Ни люди, ни боги!

Вспомнив о египетских богах, перс оглянулся на тонущий в темноте угол, вспомнив, как избавился от оков в прошлый раз. Комната была абсолютно пуста.

– Анубис! Шакалья голова! – позвал Арсам.

Ответа не последовало.

– Появись, хоть поболтаем!

Тишина давила на уши.

– Отлично! – раздражённо буркнул перс. – Осталось только говорить самому с собой и медленно сходить с ума.

Отвечать было некому. Пользуясь тем, что некому его и подслушивать, раб номарха рассуждал вслух:

– Судя по всему, мне удалось окончательно вернуться в мир людей. Безо всяких дурацких видений и чудовищ. Может, я просто выздоровел?! Валялся здесь, бредил несколько дней, видел во сне бог знает что!

Эта спасительная мысль успокоила его, придала новых сил. Только одно расстроило Ахеменида:

– Выходит, и удивительная мидийская красавица была лишь частью моего бреда, – вздохнул он, – жаль.

На этот раз всё было таким убедительным и настоящим: и ноющее плечо, и тяжёлая медная цепь, и гладкие стены вокруг. Ничто не вызывало ни тени сомнения. Положение царского племянника было ужасно:

– Одно хорошо, – старался утешиться Ахеменид, – я точно могу быть уверен, что лихорадка и бред кончились. Я абсолютно здоров.

Однако осознание ясной реальности происходящего было невыносимо для гордого перса. Прежняя история с богами, общавшимися с ним на равных, гораздо лучше успокаивала его самолюбие. Арсаму совсем не хотелось просто признать всё бредом и забыть. Он невольно искал подтверждения своих видений.

– Помнится, я запросто болтал с этим карликом, – рассуждал Ахеменид, – эту фигурку сюда принесла Анахит, не мог же он сам прибежать.

Наличие каменного божка оставалось единственным материальным подтверждением его видений.

– Ещё я отлично помню, – радовался он, – целую кучу мудрёных египетских слов и имен.

Новые аргументы совсем было успокоили гордого перса, и он почти примирился со своим униженным положением раба номарха, решив, что это лишь временные неприятности. Арсам просто сидел и ждал, что вот-вот место его заточения, как обычно, посетит прекрасная жена Херихора.

Время шло, племянник царя Парсы терял терпение. Снова пробовал разорвать ненавистную цепь. Жадно смотрел на дверной проём, занавешенный грубой циновкой. Наконец она качнулась, впуслав косою луч света, но... вместо Анахит вошёл худющий смуглый египтянин; ни слова не говоря, поставил перед пленником миску с пшеничной кашей и удалился, всё такой же хмурый и безмолвный. Перс жевал безвкусную еду и отчаянно пытался придумать хоть что-нибудь для того, чтоб выбраться на свободу. Каша кончилась гораздо раньше, чем он сумел найти путь к спасению. Всё тот же необщительный египтянин забрал пустую миску, и Арсам снова остался один в темноте и неизвестности.

– Куда подевались сразу все Боги этой страны? – сердился он. – Их же такое безумное множество! Ну хоть бы один составил компанию.

Видно, звероголовые Боги не хотели больше разговаривать с иноземцем. Арсам совсем заскучал. Сидел у стены, подперев кулаком голову. Когда циновка снова отодвинулась, даже не повернулся посмотреть на вошедшего.

– Хороша встреча, – возмущился беззаботный голос Ганнибала.

Ахеменид смерил его недоверчивым взглядом, словно сомневался в реальности своего темнокожего приятеля.

– Не узнаешь?! Только этого не хватало! – воскликнул Ганнибал. – Видно хорошо они тебя отделали.

– Кто меня отделал, – нахмурился перс.

– Реагируешь? Уже хорошо. Я слышан о твоих подвигах! Зачем так дразнить судьбу?

– Это ты о чём?

– Станный ты какой-то, то ли вправду всё забыл, то ли притворяешься.

– Разобраться хочу, что на самом деле было, а что мне примерещилось.

– А-а-а, – протянул темнокожий, не особенно понимая, откуда у его приятеля сомнения. – Значит так, – деловито начал он, – вел ты себя безобразно: надсмотрщиков кнутом гонял, приставал к жене номарха и дрался с его убау – слугами, за что и поплатился.

Ганнибал указал на цепь на ноге перса.

– А ещё что-нибудь было? – осторожно спросил Арсам.

– Ну, уж об этом это надо спросить у супруги Херихора или у него самого. Им виднее, за что номарх целил в тебя из лука.

– Не умеет он стрелять, – брезгливо бросил Ахеменид.

– Твоё счастье, другой бы точно убил или слугам приказал бы. А Херихор сбежал. Ну, вернее, уехал в Мемфис.

– Зачем?

– Он же верховный жрец, а там как раз Апес околел.

– Это ещё кто?

– Священный бык, живший при храме.

– А Херихор здесь при чём?

– Теперь жрецы обязательно должны Апеса мумифицировать и торжественно похоронить, а на его место найти точно такого же быка, чтобы жил в храме.

– Станный обычай, – пожал плечами зороастриец, – неужели так трудно одного рогатого заменить другим.

– Если б было всё так просто! Поиск нового Апеса – целое искусство, это должен быть самый последний телёнок у коровы, чёрный, на лбу у него белый четырехугольник, на спине – изображение орла и ещё десятка два разных признаков.

– Весело теперь Херихору, – усмехнулся перс.

– Веселиться жрецам запрещено, шестьдесят дней они обязаны соблюдать строгий пост.

– Значит, он поехал без жены? – оживился Ахеменид.

– Размечтался! Он взял с собою и жену, и сына, и даже свою мерзкую мамашу. Убау тоже велено следовать за хозяином.

– Убау – это мы? – сообразил Арсам.

– Наконец-то ты здраво рассуждаешь, но мы с тобой рабы – хенуу, а убау – свободные люди, многие из них родственники Херихора, – улыбнулся Ганнибал, – лично нам велено доставить в Мемфис таинственный медный ящик. Наш верховный жрец без него, как без рук, всюду таскает его за собой. Но вчера собирались в такой спешке, что умудрились забыть здесь медную громадину. Номарх уплыл без него, но требовал срочно доставить следом.

Ахеменид тряхнул рукой тяжёлую цепь.

– С этим украшением я сам такой же подвижный, как твой ящик.

– Был бы ящик мой, я б его никуда не таскал, – заверил перса приятель, – а цепь сейчас снимут. Только ты уж постарайся больше не чудить. А то в прошлый раз Херихор едва удержался, чтоб тебя не добить. Его остановили только напоминания, что иметь настоящего раба-иноземца очень престижно и повышает его статус.

– Хорошо, хорошо, обещаю соблюдать все местные правила, какими бы дурачками они мне ни казались, – беззаботно произнёс племянник царя Парсы.

Уже вскоре над ненавистными ему медными звеньями трудился египтянин-кузнец. На этот раз освободиться от оков оказалось гораздо труднее, чем при помощи Анубиса. Дюжий кузнец долго бил молотом по заклёпкам, прежде чем они поддались и перс обрел долгожданную свободу. Приятели сразу отправились в дом номарха за порученным им грузом. Войдя в дом через довольно узкую дверь, приятели оказались в длинном коридоре, из него попали в большой квадратный зал, со множеством колонн, поддерживающих кровлю. А из него свернули в небольшую боковую комнатку, где и ждал их занимавший почти все пространство сундук Херихора.

Пресловутый ящик оказался так велик, что в нём могли легко укрыться два человека. Медные стенки украшали чеканные барельефы со сценами охоты фараона.

– Наконец-то и в вашем чудном царстве нашлась хоть одна художественно выполненная вещь, – усмехнулся перс.

– Уж лучше бы чеканщики меньше старались и сделали бы ящичек не таким большим, – недовольно заметил Ганнибал.

Сразу было видно, что ценный ящик часто подвергался транспортировке. Он был установлен на деревянных носилках.

– Сундук точно нас ждет, – бросил перс.

– Уж лучше бы не дождался, усох от скуки, легче стал бы! Может, потащим что-нибудь другое?

Но все помещения дворца Херихора были абсолютно пусты.

– Нам остался только этот ящик, будь он неладен, – ругался темнокожий.

Он хотел было пнуть металлическую обузу, но замер.

– Кто его знает, что там внутри. Как бы хуже не было, – осторожно шепнул он.

– В самом деле, было бы любопытно заглянуть в эту громадину, – легкомысленно рассуждал Ахеменид.

– Не вздумай! Против таких любопытных накладывают страшное проклятие, – поспешил остановить его Ганнибал.

К тому же на ларце красовался большой увесистый замок. У Ахеменида окончательно пропало желание заглядывать под крышку медного ящика. А в сумрачное помещение вошёл уже знакомый персу надсмотрщик.

– Шевелитесь, быстро!

Он замахнулся кнутом, но мирно опустил руку, слишком ярко вспомнив, чем кончилась его недавняя попытка строжиться. Приятели взяли за истёртые чужими ладонями ручки носилок. Не без труда оторвали груз от земли, рана в плече напомнила о себе сильной ноющей болью. Ганнибал пошёл первым, перс последовал за ним. Надсмотрщик отставал на десяток шагов. Ахеменид кивнул в его сторону, произнес насмешливо:

– Странные у вас порядки. Зачем вообще нужны надсмотрщики.

– Для порядка и устрашения.

– Неужели кто-то до сих пор их боится? Все ведь и без того заняты своей работой. А эти здоровенные дядьки только болтаются без дела.

– Да, заставить бы его хоть ящик тащить, – зло буркнул Ганнибал.

– Можно, конечно, попробовать, – подмигнул ему перс.

– Не стоит.

– Далеко нам волоочь эту тяжесть? – спросил Арсам.

– Только до реки, там нас ждет ладья.

– Дорогу до Нила я теперь уже знаю, хотя...

Долго шли молча, тяжёлый труд не располагал к весёлой болтовне. Когда остановились отдохнуть, медный ящик поставили на землю, Ганнибал опустился на корточки, Арсам присел на край крышки, потёр разболевшееся плечо. Приятель переспросил его:

– Что ты там бурчал?

– Да так, вспоминал ваших богов.

– Надеюсь, добрым словом? Не хотелось бы нарваться на их месть.

– Что-то мне кажется, ты не особенно благоговеешь перед их божественной силой, – заметил перс.

– Эх, – громко вздохнул его темнокожий приятель, – моя мать-старушка всё молится, молится, обряды соблюдает, жертвы приносит, а толку-то... с каждым годом дела наши идут только хуже. Нет у меня больше надежды на божественную помощь.

Он решительно взялся за деревянные ручки и поднял ящик. Ахеменид едва успел подхватить свой край, спросил приятеля:

– Надеешься только на себя?

– Сам себе я тоже помощник плохой, – совсем помрачнел Ганнибал.

Он устало опустил плечи, персу даже показалось, что медный ящик неожиданно потяжелел.

– Хватит на судьбу жаловаться! – попытался он поддержать приятеля.
– Чего ждёшь, то и получишь. Уж лучше ожидать хорошего.

– Когда ж оно будет, это хорошее?!

– Не вздыхай так душераздирающе! От твоих вздохов ящик потяжелел! Сундук стал совсем неподъёмным. Теперь я знаю, чем набил его Херихор – горькими вздохами.

– А за собой таскает, чтоб перебирать и злорадствовать.

– Давай лишим его этой забавы, – азарно предложил Арсам, – дойдём до лады, да и выбросим дурацкий ящик за борт, пусть Херихор сам за ним ныряет.

Эта дерзкая мысль должнику номарха понравилась, он сразу повеселел. Перехватил удобнее ручки медного ящика, зашагал быстрее.

– Так-то лучше, – порадовался Ахеменид. – Уныние ещё никому добра не приносило.

– Может, ты и прав – сам не унываешь, тебя и боги любят.

– Пристрастия ваших богов для меня загадка, – признался Арсам.

Приятели болтали, не боясь посторонних ушей, осторожный надсмотрщик на всякий случай отстал, да если бы и хотел, ничего бы из их разговора не понял. Египтянину были чужды языки дальних стран.

– Смотри, вон уже показалась полоска реки, – сказал Ганнибал.

– Ещё чуть-чуть, и бедняга номарх останется без своего груза. Интересно, он сильно расстроится?

– А мне не интересно, сила его горя ярко отразится на наших спинах.

– Предлагаешь пожалеть Херихора, не лишать любимой забавы? – лукаво спросил Арсам.

– Если уж всё равно тащили до лады, потом уже не наша забота, – рассуждал его приятель, – в Мемфисе наверняка найдутся другие носильщики.

– Жутко любопытно всё-таки, зачем верховному жрецу эта старая громадина.

– А мне всё равно! Скорее всего, там какие-нибудь золотые украшения и символы для богослужений в храме.

– Уж лучше б это всё было деревянное, сундук был бы лёгким, как пушинка.

– В Египте мало дерева и много золота.

– Я заметил. Вот за золотом Камбиз сюда и придёт. У персов слишком много дерева.

– Вот и сидели бы в своём оазисе. Ведь сгинете в наших пустынях, если только Сет вам не поможет.

– А он-то здесь при чём? – удивился перс.

– Злой бог любит захватчиков.

Прятели умолкли, почувствовав себя по разные стороны враждующих народов. Ахеменид глубоко задумался о том, что персы на этой земле выступают на стороне зла. В его голове с трудом укладывалось, как люди, давно выбравшие добро и Ахура Мазду, оказались среди демонов злобного Ахримана.

Мутно-зелёная полоска Нила всё приближалась. Вскоре слуги Херихора вступили на знакомый берег. Опустили медный ящик на жёлтый песок.

– Стойте! Пришли, – запоздало скомандовал надсмотрщик.

Арсам смотрел на реку. Ладьи нигде не было.

– Похоже, мы зря старались, пёрли сюда золотишко номарха, – бросил перс.

– Придётся подождать, но ладья будет обязательно, – заверил темнокожий.

– Тебе видней. Будем ждать, – согласился с приятелем Ахеменид.

Они уселись на песке возле ящика, не обращая ни малейшего внимания на раздувавшегося от важности надсмотрщика, который, что-то говорил, даже кричал. Но вскоре то ли устал, то ли сам понял бессмысленность своего гнева и сел с другой стороны сундука Херихора.

– Не умею ждать, – признался племянник царя Парсы. – Мне раньше и не приходилось ничего долго дожидаться.

– Может, ты и правда, племянник царя, – покосился на приятеля Ганнибал.

– А ты всё ещё не веришь?

– Вот уж не рассчитывал в своей жизни оказаться в таком обществе.

– Я тоже не рассчитывал, – рассмеялся Ахеменид, – вкалывать на египетского номарха. Если бы мне кто-нибудь взялся предсказать такое, я бы счёл его сумасшедшим.

– Наша будущая судьба нам не введена, – философски заметил Ганнибал.

– А всё-таки я рискну предсказать наше ближайшее будущее, – похвастался Арсам.

Он поднялся на ноги и козырьком приложил ладонь ко лбу, всматриваясь в излучины реки.

– Ещё чуть-чуть и нам предстоит снова взвалить на себя Херихоров медный ящик и грузить его в ладью.

– Тоже мне пророк, – недовольно буркнул его темнокожий приятель, – ладью и я заметил.

– Что ж она такая мелкая, всего четыре гребца.

– Зачем нам большое судно?! Груз небольшой и нас всего двое.

– А надсмотрщик как же?

– Он здесь останется.

– Херихор нам настолько доверяет?! Не может быть! – усмехнулся Ахеменид.

С погрузкой медного ящика пришлось повозиться. Неудобная маленькая лодка сильно раскачивалась, грозясь перевернуться и опрокинуть богатство номарха в реку. Хорошо хоть Нил в низовьях дельты был спокоен и ленив. Наконец, установив тяжёлый сундук на дне лодки, рабы Херихора сели на узенькую скамеечку; гребцы взялись за длинные весла и, к немалому удивлению перса, принялись грести, стоя на дне утлого суденышка. Лодка медленно двинулась вверх по течению. Перс приготовился рассматривать проплывавшие мимо берега, но они были скучны и однообразны, как края пройденных им египетских дорог. Каналы, канавки, поля, поля, редкие островки садов и ровные ряды виноградников...

– И что, весь Египет такая скукотища? – не выдержав, спросил он у приятеля.

– Пустыня ещё хуже.

– Весёлый ты человек! – улыбнулся Арсам. – Умеешь сообщить приятное.

– Это не я, это жизнь такая.

Перс не знал, что ему возразить, он молча следил за ритмичными движениями гребцов, затем – как весла режут и буравят зелёную тягучую поверхность реки. Неожиданно он увидел, что впереди её спокойные мелкие волны бурлят и рябятся.

– Неужели пороги? – поразился он.

– Нильские пороги гораздо выше по течению, – отозвался Ганнибал, – а это... бегемоты.

В его голосе Арсам уловил тревогу.

– Их так много, штук двадцать.

– Обычно гиппопотамы ведут себя гораздо спокойнее. Не стоит нам соваться.

Из воды то и дело появлялись головы и чудовищные морды, разевавшие огромные пасти. Пусть лишённые острых крокодильих зубов, но страшные своими размерами, да и совсем беззубыми, бегемоты тоже не были. Порой из воды даже показывались массивные спины животных.

– Какая у нас маленькая лодка, – невольно воскликнул Арсам, – стойте! Не плывите дальше.

Гребцы не слушали его, не понимали слов и продвигали лодку вперед со странным упрямством или обреченностью.

– Что они делают?! – возмущался перс.

Он попытался вырвать весло, в этот момент их угловое суденышко задело спину одного из животных. Со страшным рёвом бегемот ринулся на лодку, разинул пасть и, едва не перекусив её пополам, отхватил большой кусок. Сундук Херихора сразу съехал в пролом и, стукнув гиппопотама, плюхнулся в воду. Другая зверюга тут же двинулась к лодке. Судно стало быстро тонуть. Люди тщетно пытались удержаться за него, со всех сторон атакуемые дикими разъярёнными нильскими обитателями. Ганнибал свалился в воду, камнем пошёл ко дну. Ахеменид уже также оказавшийся в воде, нырнул за приятелем. Он ухватил темнокожего за волосы и потянул наверх, вытолкнул на поверхность.

Глава восьмая ЕГИПЕТСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ

Мокрый дорогой персидский халат сковывал движения и тянул вниз. Арсам с трудом выбрался из него, резко оттолкнул от себя. Рванулся к поверхности воды, увлекая за собой неподвижное тело Ганнибала. Жадно схватив большой глоток воздуха, поднял голову приятеля над водой и, широкими движениями рассекая волну, одной рукой поплыл к берегу. На их счастье, песчаный берег был совсем не далеко, а разъярённое стадо гиппопотамов уничтожало остатки лодки. Едва переведя дух, перс перевернул Ганнибала на живот, с силой потряс за плечи.

– Дыши! Дыши немедленно!

Изо рта утонувшего полилась речная вода, он закашлялся, долго плевался. Арсам оставил его в покое, хотел заняться намокшей повязкой, когда темнокожий выдавил хрипло:

– Гад! Зачем ты меня вытащил?!

– Вот тебе на! – возмутился Ахеменид. – Хорошенькая благодарность!

– Благодарность? За что?! Ты поломал мою судьбу! – Ганнибал был в ужасе. – Теперь боги проклянут меня!

– Час от часу не легче! Надо было бросить тебя там? – начинал сердиться Арсам.

– Когда я только родился, – сквозь кашель стал рассказывать темнокожий, – жрица Богини Хатхор, предсказала моему прадеду, что мне суждено утонуть в Великом Ниле. Это моя судьба, мое предназначение.

– Так ты и не пытался выплыть?!

– Зачем? Плавать я всё равно не умею.

– Прекрасно! Значит, я теперь главный гад! А ты попробуй посмотреть с другой стороны, – предложил неунывающий перс, – если боги, позволили мне тебя спасти, значит, сейчас твоя судьба греться на солнышке. Утонешь как-нибудь в другой раз.

Ганнибал не уловил иронии в словах друга. Очень серьёзно задумался над новым поворотом судьбы. Арсам не стал ему мешать, наблюдал, как все четверо гребцов, ускользнувшие от ярости гиппопотамов, благополучно выбирались на другой берег реки.

– Знаешь, я вспомнил, – сказал он, – мне уже давно рассказывали про этих толстых речных жителей. В междуречье такие тоже водятся, но мне ни разу не довелось их увидеть.

– Гиппопотамы служат врагу великого солнечного бога.

– То-то они такие злые.

– Обычно бегемоты мирные и ленивые, а ночью они выходят на берег...

– И жрут бедных египтян, – весело предположил перс.

– Ты что! Бегемоты питаются травой.

– Зачем тогда им такие огромные пасти?

– Так угодно богам.

– Кстати, о богах, я ведь уже видел ваших гиппопотамов.

– Где это? – вяло поинтересовался спасённый.

– В городе богов, как его там... Таит, что ли.

– Ты не мог там побывать! – оживился Ганнибал. – Ни одному смертному не дано найти этот город!

– Знаю, знаю, – отмахнулся Ахеменид, – проще считать, что всё это мне приснилось. Скажи лучше, куда теперь нам податься?

Немного поразмыслив, серьёзный египтянин произнёс трагично:

– Нигде нас теперь не ждут! Драгоценный сундук номарха утонул, не выполнили мы его поручение.

– Так говоришь, словно этот ящик составлял всю отраду твоей жизни. Не понимаю, – пожал плечами племянник царя Парсы. – Теперь, без сундука, мы сами вольны выбрать направление.

– Нет, нигде нас не ждут!

– Ты такой весёлый, будто настоящий утопленник. Уверен, твои родные рады будут тебя видеть независимо от чужих ящиков.

– Но...

Ганнибал так и не нашёл, что возразить. И крайне ошарашенный наглостью своего персидского друга, позвал его в дом родителей.

– Проще всего нам будет пройти вдоль Великой реки. Мы ведь успели совсем недалеко уплыть против течения.

– Так идём, сколько можно сидеть на берегу?! – улыбнулся Арсам.

Его спасённый от бегемотов друг медленно поднялся на ноги, пожаловался:

– Голова всё ещё кружится!

– С утопленниками это случается. Да вид у тебя, я бы сказал, бледный, но тебе это к лицу, – весело подбадривал темнокожего Арсам.

– Смейся, смейся! – обиженно бубнил так и не научившийся плавать Ганнибал. – Гордись своей силой! Только не всегда побеждает тот, кто сильнее!

– Нашёл тоже мне повод надуться! Давай лучше идти помогу, а то тебя качает.

Египтянин оттолкнул помощника:

– Я сам!

– Ладно, ковыляй как хочешь, – согласился Ахеменид. – Только дорогу показывай.

Он терпеливо подождал, пока Ганнибал с усилием сделал первые несколько шагов, и отправился за ним по каменистой тропинке, бежавшей вдоль реки и повторявшей все её изгибы. Темнокожий шёл очень медленно, и нетерпеливому персу хотелось обогнать его, но Арсам вежливо шагал сзади, помня, что здесь он не хозяин, а только гость. Наглотавшись речной воды, хмурый Ганнибал продолжал брюзжать:

– Ты напрасно потешаешься над нашими обычаями и кичишься своей физической силой. Между прочим, далеко не всегда побеждает тот, кто сильнее.

– Ты повторяешься! – напомнил Арсам.

– Я могу твердить это десять раз, пока ты меня не услышишь и не поймёшь, что я прав.

Ганнибал закашлялся и стал сплевывать речную воду.

– А ты меня убеди! – предложил не принимавший всерьёз его слова Арсам.

– Легко! – воодушевился его друг.

– Ну, хоть что-то тебе легко, – улыбнулся перс.

– Конечно, легко, – серьёзно продолжал египтянин, – ведь история об этом сложена уже давным-давно, я могу рассказать кучу таких.

– Расскажи уж хоть одну, дорога будет короче.

– У верховного бога Ра, – торжественно начал Ганнибал, – была дочь.

– Насколько я мог разобраться в путанице ваших богов, Ра – это самый главный?

– Ра – это великий бог солнца, создатель Египта.

– Надеюсь, дочь у него красавица? – лукаво улыбнулся Ахеменид.

– Его дочь – великая богиня Хатхор, повелительница дождей и утренних рос, дикая львица.

– Среди ваших богов и богинь найдется хоть один нормальный человек?

– Боги – не люди, боги – это боги, – серьёзно произнёс Ганнибал и продолжил: – Богиня львица поссорилась со своим отцом и покинула Египет – его страну, она поклялась, что никто не уговорит и не заставит её вернуться. А для Египта началась тяжёлая зима. Влага больше не выпадала дождём на его плодородные поля, и обильные посевы высыхали. Увидев, что народ бедствует, Ра послал бога Тот, премудрого бога Тота, вернуть строптивую львицу...

– Погоди, кто такой премудрый бог Тот? – переспросил Арсам. – С ним-то я ещё не знаком. Неужели он умнее всех остальных?

– Он дал нам календарь, поделил год на триста шестьдесят пять дней и три времени года.

– И какое время года сейчас? – тут же спросил любопытный перс.

– Время восходов.

– Зачем я спрашивал, это и так видно.

Арсам обвёл взглядом бескрайние поля, весело зеленеющие стрелками первых восходов.

– Надо полагать, следующим будет время сбора урожая, – усмехнулся он.

– Время года носит это название, но на благословенной египетской земле урожай собирают три раза в год.

– Да вы счастливы!

– Это требует втрое больше усилий от крестьян, – вздохнул Ганнибал.

– Но мы отвлеклись, давай вернёмся к легенде. Мудрый бог Тот не стал покорять Хатхор силой, хоть он и великий, непобедимый воин. Тот решил перехитрить её. Львица охотилась на просторах дикой Эфиопии и мудрый бог явился к ней не в грозном облике, но в виде маленькой беззащитной обезьянки.

– Я видел настоящих обезьян! – радостно сообщил Ахеменид. – К дядиному двору привозили зверей из разных стран, из Индии доставили трёх потешных обезьянок, я даже не думал, что звери могут так трогательно походить на детей.

– Бог Тот рассчитывал, что львица тоже растрогается при виде его. Так и случилось, гневная богиня его не прогнала, а стала слушать его рассказы.

– Кажется, эта история грозит быть бесконечной. Пока ты не заболтал меня окончательно, объясни сразу, куда идти, далеко ли ещё до твоего дома, – остановил Ганнибала перс.

В это время они шли по узкой тропинке через заросли прибрежного тростника и папируса, высокие гибкие стебли поднимались в рост человека, ветерок раскачивал папирус, словно взъерошенные зелёные метелки, на их тёмной насыщенной зелени взгляд отдыхал от измождённой жёлтой пустынной суши. Арсам радовался живой прохладе

от реки. Дорога была вполне приятной, но всё же Ахемениду не терпелось быстрее добраться до человеческого жилья.

– Какое-то время здесь ещё пройдем вдоль Нила, а потом придётся выбраться на открытое место между пшеничными полями, потом через большой виноградник – и до моего дома рукой подать. Там у отца прекрасный сад.

– Что я слышу, настоящего египтянина тоже потянуло в зелёные заросли?! – усмехнулся перс.

– Ты напрасно считаешь нашу прекрасную страну плоской и скучной...

– И где же ваши горы? – ехидно спросил Арсам.

– Горы – это ещё не всё, что есть прекрасного. Возможно, боги позволят тебе увидеть красивейшие места Египта: озеро Фаюм или оазис Харга.

– Я поговорю с ними об этом при случае, – самоуверенно пообещал племянник царя Парсы. – А пока я с нетерпением жду окончания твоей истории.

Темнокожий расплылся в улыбке, подумав, что сумел заинтересовать своего гордого друга.

– Я уже говорил, что львица благосклонно слушала рассказы обезьянки, – продолжил он. – Хитроумный Тот даже взял с неё клятву, что властная богиня не причинит ему вреда, а потом стал говорить о том, как страдают египтяне из-за её решения не возвращаться. Догадавшись, что истинная цель пришедшего к ней – заставить богиню изменить свое решение, Хатхор страшно разозлилась, но даже она не могла нарушить данное слово и причинить зло маленькой обезьянке. Так хитрый Тот избежал открытой войны с дочерью Ра.

– И в чем мораль? В том, как хорошо врать и изворачиваться?

– Неужели ты ничего не понял?! – досадливо поморщился Ганнибал. – Легенда о том, что порой очень слабый может победить сильного.

– Такая легенда могла родиться только у египтян. Любой перс, сильный он или слабый, всегда должен говорить только правду!

– Это же скучно!

– Так ты обычно врешь для веселья? Мне всегда казалось, что это уже другое. Шутка – это не правда, но и не ложь!

– Ой, не морочь мне голову своими рассуждениями, – замахал руками темнокожий, – тебе делать было нечего, вот и учился слова складно говорить, а у меня на такие глупости времени нет. Лишними словами урожай не улучшишь. Земля требует работы.

Он посерьёзней, нахмурился, быстрее пошел вперёд, не желая продолжать разговор. Перс только пожал плечами и тоже прибавил шагу, буркнув:

– Вот уж не ожидал, что эта тема так тебя разозлит.

Ганнибал торопился, шёл, упрямо наклонив голову, не оглядываясь на своего царственного друга. Озадаченный перс старался придумать логичное объяснение его реакции. Наконец пришёл к выводу, что странных египтян ему всё равно не понять, и успокоился. Но долго молчать Ахеменид не умел и вскоре спросил легкомысленно:

– И чего вы растите на своих полях? Может быть, папирус?

– Дурак, вот он – папирус, – крестьянин весьма нелюбезно сунул зелёную метёлку в нос персу, – он всегда растёт у реки, а мы выращиваем пшеницу.

– Наверное, на этих полях её вызревает видимо-невидимо.

– Фараон продает излишки в другие страны. Отстань.

– У вас бывают даже излишки. Так вам повезло, – не сдавался перс, – наши крестьяне мучаются на маленьких каменистых полях. Смотреть жалко.

– А ты отвернись, не смотри! – огрызнулся египтянин. – Тебе даже не представить, что такое тяжкий труд крестьянина.

– Напрасно злишься, благодаря Херихору с его гробницей я уже многое могу представить.

– Подумаешь, поработал один денёк, – презрительно хмыкнул Ганнибал. – А сможешь ты работать каждый день от рассвета до заката?!

– Нет, конечно, – как всегда честно признался зороастриец. – От такой работы я умру раньше, чем настанет десятый рассвет. Мне всегда казалось, что любой крестьянин гораздо сильнее изнеженных царей.

Темнокожий даже остановился, обернулся удивлённо.

– Если бы я не знал, какой ты правдивый, то подумал бы, что царский племянничек хитрит и изворачивается, только бы помириться. Хотя, зачем это тебе, ведь не ради дружбы с рабом.

– Не забывай, что я здесь такой же раб, как и ты, – напомнил Арсам.

Теперь настала очередь Ганнибала погрузиться в размышление, он никак не мог решить – не шутит ли иноземец. В конце концов, египтянин вздохнул:

– Всё-таки друзьями мы быть не можем.

– Почему бы и нет? – пожал плечами перс.

Ганнибал не нашёл, что ответить, а Арсаму вдруг стало смешно.

– Что б не сомневаться, ты представь, – весело предложил он, – что я просто ненормальный. Мне доставляет странное удовольствие вытаскивать из реки должников Херихора. И вообще, я торчу здесь от скуки.

Эта неожиданная версия разрушила серьёзные сомнения египтянина. Хмуриться ему надоело, и Ганнибал обратился к персу:

– Не стоит рассказывать моим родителям о твоих царственных родственниках. Боюсь, старики совсем не смогут понять, как такое возможно.

– У меня на родине принято очень уважительно относиться к старшим. Так что ты мне лучше подсказывай, как я должен себя вести, чтобы не нарушить ваших правил и проявить достаточно уважения.

Глянув на только ему одному известные приметы, Ганнибал резко повернул в сторону от реки. Дорожка здесь меньше петляла и была лучше протоптана, но вид вокруг был гораздо менее приятным. Речная прохлада и тростники остались позади, вокруг разлеглись однообразно ровные поля, откуда-то издалека прилетел душный жаркий ветерок. Перс поднял голову к белесому, лишенному живописных облаков небу, заметил недовольно:

– Неужели в вашей стране над головой всегда так скучно?!

– Так лучше, чем дождевые тучи времени разливов, – ответил египтянин.

Арсам не стал спорить, поверил на слово. Приготовился к долгому скучному пути, но дорожка, неожиданно резко вильнув в сторону, нырнула между идеально ровными рядами виноградных кустов. Они ещё не поднялись выше колена и не давали тени. Протягивали красивые широкие листочки в разные стороны.

– Скоро здесь будет очень хорошо, – вздохнул крестьянин, – я очень люблю время, когда на ветвях повисают громадные тяжёлые грозди. Но сначала здесь всё будет гудеть от множества пчел.

– Я раньше и не думал, что здесь тоже выращивают виноград, – заметил Ахеменид, – к дядиному двору из Египта всегда привозили только пиво.

– У нас делают прекрасные вина, – с гордостью произнёс египтянин, – только всё достаётся номарху в уплату налогов. Виноградник у отца совсем маленький.

В подтверждение его слов виноградные ряды оборвались, и перед персом предстала неожиданная для него картина. Он увидел прекрасную густую зелень невысоких ветвистых деревьев, от которых падали заманчивые тени.

– Неужели ты живёшь здесь? – удивился Ахеменид. – Твой бедный крестьянский уголок выглядит куда шикарнее всей усадьбы номарха.

– От наших деревьев мало пользы. Сады и финиковые пальмы приносят куда больше дохода.

– Зато от пальм совсем нет тени.

– Мы здесь привычные к солнцу. Раньше в нашей стране любили деревья. Фараоны гордились своими огромными садами. Привозили редкие саженцы из других стран, а теперь ценят только плоды и то, что можно съесть.

– Получается, большинство деревьев вырубili из-за их бесполезности?

– Да, наверное, из-за этого со всех сторон наступают пески. Но наши плодородные земли спасают регулярные разливы Великой реки. Они приносят на поля плодородный ил.

– До чего же у вас всё странно! – пожал плечами перс.

Тем временем Ганнибал провёл его между деревьями к небольшому домику с плоской крышей. Как все строения в округе, он был сложен из сырцового кирпича с маленькими окнами и узкой щелью вместо двери. Египтянин пригласил друга внутрь. Арсам вошёл, долго жмурился, привыкая к полумраку. Наконец, смог рассмотреть скромное жилище темнокожего: всё убранство состояло из множества циновок, постеленных на полу и развешанных в дверных проемах. Одни казались совсем древними и стертymi, другие были гораздо новее. И перс с удивлением увидел расставленные на них глиняные миски. Понял, что новая циновка заменяла крестьянам стул. Мебели в хижине не было вовсе. Кроме одного низкого табурета на трех ногах, одна из которых была сильно короче остальных. Хлопотавшая у открытого очага пожилая женщина недоуменно улыбнулась:

– Кого ты привёл к нам, сынок? – негромко спросила она у Ганнибала.

О смысле её вопроса перс догадался, но эмоциональных объяснений египтянина он не понял вовсе. Он так и не узнал, кем именно его представил Ганнибал, только вежливо поклонился и наострил уши, стараясь уловить хоть несколько знакомых слов, да разглядывал хозяйку. К немалому удивлению Арсама, она оказалась не старой ещё и удивительно светлокожей женщиной. Друг Ахеменида был очень похож на мать разрезом больших чёрных глаз, но во всём остальном, видимо, был точной копией отца. Её скромный, изношенный наряд и убогая бедность домашней обстановки произвели тяжёлое впечатление на привыкшего к роскоши племянника царя Парсы. Щедрые бедняки сразу пригласили его присесть у чистой циновки и стали угощать своими нехитрыми лакомствами. Хозяйка подала гостю маленькую глиняную кружечку с чистой водой, сказала что-то извиняющимся тоном. Ганнибал объяснил слова матери:

– Она извиняется за то, что у нас нет молока. Корова у нас совсем уж старая, а тут ещё вздумала отелиться напоследок.

– Передай хозяйке, что вода сейчас для меня лучшее угощение.

Благодарно улыбнувшись переведенным сыном словам гостя, женщина вышла из комнаты и вскоре вбежала громко крича.

– Что случилось? – только успел спросить у друга перс.

– Корова рожает, – пояснил египтянин, – тяжко ей, того гляди помрет. Помогать надо.

Неожиданно женщина со стоном опустилась на колченогий табурет.

– Матери вдруг стало плохо, даже встать не может, – объяснил Ганнибал после того, как помог ей уйти в соседнюю комнату, отгороженную циновкой, – ей нужно отлежаться. Видно боги решили, что нам двоим придётся принимать роды у несчастной коровы.

Ахеменид дар речи потерял, услышав такое, но он теперь точно знал, как опасно спорить с желанием богов и неохотно поплелся за товарищем к хлеву.

Глава девятая ЛЕГЕНДЫ И СНЫ

Родовитый перс даже не имел понятия о том, что такое хлев, а рогатый скот раньше видел только издали. Ганнибал подвёл его к открытому загону, кое-как состряпанному из нескольких кривых жердей. Египетская корова, песочно-жёлтая, как почти всё в этой стране, поразила его своей измождённой худобой и единственным длинным рогом, второй был обломан у самого основания. Животное громко мычало, дышало тяжело и еле держалось на ногах. Завидев людей, как показалось Арсаму, корова вздохнула с облегчением и повалилась на бок, выставив круглое брюхо.

– Плохо дело, – забеспокоился Ганнибал, – того и гляди околеет у нас на глазах, хоть бы успеть теленка вытащить.

– Как вытащить? – поморщился Арсам.

– За ноги.

– За какие ещё ноги?

– За передние, – спокойно объяснял крестьянин.

– И кто его будет тянуть?

– Придётся тебе, а я буду держать голову, чужого она не подпустит.

– Может наоборот? – попробовал отпереться Ахеменид.

– Не получится, – сразу заявил Ганнибал, – корова должна видеть и чувствовать своего. Да и держать надо умеючи. А то свернёшь скотине голову от излишнего усердия.

– Разве тянуть теленка умение не нужно?

– Что тут уметь, бери да тяни!

Такие объяснения не прибавили спокойствия избалованному Ахемениду, но он вспомнил, что дед как-то говорил ему: «Хороший царь должен всё уметь сам».

– Вряд ли он имел в виду помощь коровам, – буркнул почтительный внук и отправился обходить рогатую с тыла.

Ганнибал в это время уже ухватил животное за рог, принялся тянуть и уговаривать:

– Вставай, вставай, милая!

Он шептал ей в большое ухо что-то ещё; издав надрывное, похожее на стон мычание, животное тяжело, неуклюже поднялось на ноги. Крестьянин сразу зажал ей голову так, что казалось, будто он держит весь вес скотины. Арсаму не особенно хотелось заглядывать под хвост корове, а когда оттуда показались маленькие копытца, ему и вовсе стало дурно.

– Хватай! Тяни! – заорал на него крестьянин.

Не привыкший к приказам Ахеменид немедленно повиновался. И сам не успел понять, как извлёк на свет божий маленького мокрого чёрного с нелепыми белыми пятнами на лбу и на спине телёнка. Его руки по локоть оказались залиты кровью, измученная корова сразу повалилась на землю, страшенький теленок не мог удержаться на ногах, мычал слабенько и испуганно, но сердце Арсама переполнял необъяснимый восторг. Ганнибал тоже нервно и радостно улыбался.

– Ну, ты молодец! Вовремя оказался в наших краях! Не ожидал от тебя такой подмоги! Теперь наша кормилица оклемается. Спасибо тебе, друг!

Перс в себя не мог придти: вот это приключение! Он, конечно, скучал во дворце, в Пасаргадах, хотел посмотреть мир, но о таком даже и подумать не мог!

– Пойдём, отмоемся, – позвал темнокожий и рассмеялся, – видел бы ты себя, племянничек царя!

Снова Арсам убеждался, насколько был прав Бог доброй судьбы. Ни одно из царских удовольствий не приводило его в такое восторженное состояние, как эта удачно законченная крестьянская работа. Только пережив отвращение, усталость от вовсе не свойственного ему дела, он переполнился радостью и гордостью. Персу хотелось беспричинно улыбаться, и вся крестьянская обстановка больше не казалось ему такой убогой.

– У вас тут уютно! – сказал он другу, когда, чистые и довольные, вошли в дом.

Ганнибал никогда прежде не выглядел таким спокойным и радостным. Он белозубо улыбался и был сам на себя не похож.

– А хорошо всё-таки, что мы утопили сундук и пришли сюда, – рассуждал он.

– Лучше не бывает, – согласился Арсам, – в кои-то веки номарху плохо, а рабам хорошо.

– Ох, не напоминай об этом противном Херихоре.

– А мне казалось, он тебе нравится! – рассмеялся перс.

– Вот уж ни капельки. Терпеть его не могу! Правда, наверняка гораздо меньше, чем некоторым, – подмигнул он влюблённому.

– Теперь ты зря напоминаешь мне о том, как далеко от меня Анахит, – вздохнул Арсам.

– Какое, наверно, счастье быть влюблённым и вздыхать, вспоминая чьи-то прекрасные глаза! А вот мне до сих пор не довелось утонуть ни в чьих глазах.

– Не грусти, влюбишься обязательно, – убеждённо сказал Ахеменид.

– Хорошо бы, не хотелось бы жениться только ради хозяйства.

– Эх, молодость, молодость!

Друзья повернулись на голос, на пороге крестьянского жилища стоял высокий сутулый мужчина.

– Ты сегодня рано, отец, – удивился Ганнибал.

Крестьянин прошёл внутрь, и Арсам понял, что он казался таким чёрным не только против света. Ахеменид впервые в жизни видел человека, словно высеченного из чёрного дерева. Последнее время ему в жизни встречалось всё то, о чём он раньше только слышал. Преклонный возраст был совсем не заметен у отца Ганнибала. Только поражали своей белизной белки глаз и крупные ровные зубы.

– На сегодня хватит, – устало опустился на циновку крестьянин.

Ганнибал торопливо стал объяснять отцу, почему они с другом оказались в его доме. Он не преминул похвастаться спасённой коровой и телёнком. Глава семейства одобрительно кивал, перс вслушивался в его речь, ловил знакомые египетские слова: номарх, гиппопотам, корова... Арсам раздражался, что они никак не складываются в складный рассказ. Из-за тростниковой циновки вышла мать Ганнибала, поприветствовала мужа, улыбнулась виновато:

– Всё прошло.

– Определённо боги сделали всё, – обратился египтянин к другу, – чтобы ты замарал руки непривычной крестьянской заботой.

– Вряд ли в реальности твои боги так сильно мною озабочены, – покачал головой Ахеменид.

– Не скромничай, с тех пор, как судьба свела нас, в моей жизни происходят сплошные странности.

– Так попроси своих богов оставить меня в покое!

– Боги не слышат простых смертных! Только жрецов и фараонов.

– Так притворись фараоном, – рассмеялся зороастриец, – ведь твоя религия не запрещает врать и притворяться.

Ганнибал не стал отвечать. Пошёл показывать отцу новорожденного телёнка. Арсам скромно остался сидеть в хижине, пил воду с грубой пшеничной лепешкой. Размышлял о том, что легко сравнил бы эту пищу с любым блюдом со стола в городе Богов. Мать Ганнибала тем временем уселась за большой грубо сколоченный ткацкий станок, стала натягивать цветные нити. Перс с интересом наблюдал за ней.

Когда темнокожий крестьянин с сыном вернулись, отец казался очень взволнованным и восторженным. Он широко размахивал руками и громко объяснял жене что-то невероятное.

– Странное впечатление на него произвёл коровий детёныш, – пожал плечами Ахеменид.

– Ты ничего не понимаешь! – воскликнул Ганнибал. – По нескольким известным нам признакам этот телёнок вполне может оказаться священным Аписом.

– Ну и что в этом хорошего? – удивился перс. – Теперь жрецы из Мемфиса заберут его у вас.

– Конечно, но, если это тот самый бычок, – нам заплатят. Очень хорошо заплатят! Мы можем выбраться из нищеты и рабства!

– Что ж, отличные новости! – порадовался за друга Арсам. – Но как жрецы узнают про вашего телёнка?

– Отец хочет немедленно отправиться к реке и рассказать новость лодочникам. По Великой реке новости передаются из уст в уста гораздо быстрее, чем летит птица.

– Ты хочешь, чтоб наш номарх вернулся и увёз твоего Апеса?

– Ещё неизвестно, подойдёт ли теленок по остальным тайным признакам, но если он соответствует, то никто не осмелится нарушать священные обычаи и причинять вред дому, который Ра избрал для рождения священного животного.

– Может, тогда лучше самим сбегать к Нилу? – предложил перс. – Ведь так будет быстрее.

– Конечно, – кивнул Ганнибал, – но отец хочет сам сообщить эту удивительную новость.

– В таком случае нам остается только уважать его желание.

– Подождём здесь.

– Подождём, – охотно согласился Ахеменид.

Человек из чёрного дерева, гордый и величественный, отправился к Великой реке. Счастливо улыбающаяся мать Ганнибала о чём-то долго говорила с сыном. А потом он обратился к другу:

– Она предлагает сделать новую перевязку на твою рану, а то старая после реки, честно говоря, выглядит отвратительно.

– Я уже успел вовсе позабыть о дырке в плече, столько всего уже произошло с тех пор, – признался Арсам, – но грешно отказываться от такой доброй заботы.

Женщина наложила на свежий шрам чистый кусочек ткани, Ахеменид ударился в воспоминания:

– В детстве отец всегда бранил мою мать за её попытки лечить мои мелкие ранки и ссадины. Всё твердил, что настоящего воина шрамы только украшают. Она спорила, прикладывала чудодейственные травы, а я носился по дворцу и вечно расшибал то колени, то локти, а то и лоб...

Когда вернулся отец Ганнибала, на Египет уже как всегда резко упала ночная тьма. Ганнибал глянул в окно, зевнул.

– Пора укладываться спать. Сегодня был длинный, трудный день.

– Да, – согласился Арсам, – ещё совсем недавно я и предположить не мог, что в моей жизни возможно что-нибудь подобное.

Родители египтянина ушли за циновку, а друзья устроились на куче сухой соломы.

– Вряд ли сейчас смогу сразу заснуть, – шепотом пожаловался Ганнибал, – столько одолевает надежд и сомнений из-за этого телёнка. Неужели и нашей семье повезло?! Материнские молитвы были услышаны богами, а я уж и не надеялся, что боги вообще обратят внимание на её жалкие дары и жертвоприношения.

– Жертвоприношения? – заинтересовался зороастриец.

– Настоящие жертвы богам приносят только жрецы в храмах во время праздничных служб, но каждый крестьянин, приходя в храм своего бога, отдает свои медяшки на нужды богослужений. Это и считается нашей жертвой.

– «Своему богу», – передразнил Ахеменид, – так у вас есть собственные божества?

– Не смеяся, в каждом номе особенно почитают кого-нибудь одного из богов.

– Мудро. Иначе можно совсем запутаться в толпе ваших звероголовых покровителей, – улыбнулся Арсам.

– Ты вечно потешаешься над нами, хоть рассказал бы, а что там в твоей далекой стране, – обиженно попросил египтянин.

Перс завалился на спину, закинул руки под голову, произнёс мечтательно:

– Моя родина – лучшее место на земле!

– В этом убеждён каждый человек, – философски заметил темнокожий.

– Особенно цари, – засмеялся Ахеменид. – Мне показалось, что рабы одинаково ненавидят любое место, где им приходится трудиться. И вряд ли они смогут оценить дивную красоту Персии. Её высокие горы, её ледяные быстрые реки и каменистые дороги. Но я больше всего скучаю по огромным табунам прекрасных диких коней. А ты вообще хоть раз видел настоящего коня? Хоть одного? – спохватился перс.

– Не довелось, ведь я никогда не был в Мемфисе. Говорят, там по улицам носятся колесницы, запряженные парами лошадей в роскошных золотых украшениях.

– Украшение коня – хорошая сбруя. А по мне так бог не создал ничего лучше, чем мощный и гордый невзвезданный скакун! – восхищённо воскликнул Арсам. – Разве что целый табун скакунов. Когда он несётся по зелёным лугам, земля дрожит, как во время землетрясения.

– Землетрясение? – переспросил египтянин.

– Когда земля дрожит, трясётся и раскачивается под ногами. Всё падает и рушится.

– И часто у вас такое?

– В горах часто. Мы уж привыкли.

– И ты называешь свою землю прекрасным местом?! – возмутился Ганнибал. – Похоже, ваш злой бог пытается стряхнуть вас с неё. У нас никогда не бывает ничего подобного.

– Зато, – распалился житель гор, – у нас нет бесплодных пустынь и отвратительных крокодилов!

– Наш ном расположен очень далеко от всех пустынь! Их жаркое, смертельное дыхание даже не долетает сюда. Мы со всех сторон окружены водой, на севере – море, с юга, запада и востока – священный Нил!

– В Вавилонии и Парсе ещё больше разных рек, только Тигр и Ефрат чего стоят.

– Ваши реки не могут даже сравниться с Великим Нилом! – негодовал египтянин.

– Тоже мне – великая река! Видел я ваш Нил, – Арсам привстал на локте, – узкая, мелкая и мутная речушка!

– Ты видел только один из десяти рукавов! – резко сел Ганнибал. – В дельте он распадается! А в верховьях это глубокий бурный поток! Возможно, тебе ещё доведётся увидеть и грозные Нильские пороги.

– Не кипятись! Вот увижу, тогда, возможно, и признаю, что ты прав. А пока твой Нил сильно напоминает мне большую лужу, – не подумав, бросил перс.

– Да как ты смеешь говорить такие слова?! Нил даёт нам жизнь! Только его разливы делают эту землю плодородной и прекрасной.

– Да, мы-то привыкли встречать наводнение как настоящую беду, – признал Арсам.

– Беду ты сам на себя накличешь! – мрачно пообещал Ганнибал. – Наши боги не простят тебе такого отношения к священной реке.

– Это уж будут мои проблемы! – огрызнулся Ахеменид. – Тебя они не касаются.

Он улегся на соломе спиной к египтянину. Ганнибал тоже от него отвернулся, оба притворились, что спят, и сами не заметили, как на самом деле уснули.

Арсаму снился Нил – непрозрачный, мутный, зеленоватый. Перс стоял в высоких прибрежных камышах, смотрел, как длинноногий ибис вышагивал по узким деревянным мосткам, поднятым над топким берегом и доходившим до самой середины реки. Птица вертела маленькой головкой, совала свой тонкий загнутый клюв в широкие щели между досками. Внезапно испугалась и с громким криком не то убежала, не то улетела прочь. На деревянный настил ступила высокая гибкая женская фигура; платье, туго охватывавшее её, отливало золотом и яркими красками. Длинные тёмные волосы поддерживала тяжёлая

диадема. Лица женщины не было видно в последних угасающих лучах падающего за горизонт солнца. Грაციозными лёгкими шагами она подошла к краю настила, изящным движением поправила волосы, присела, наклонилась к воде. Зачерпнула в ладонь прохладную влагу, поднесла к губам. Вдруг, словно почувствовав пристальный взгляд чужака, она резко обернулась к Ахемениду. В следующее мгновение он увидел прямо над собой вытянувшуюся в прыжке разъярённую львицу...

Арсам проснулся, сел, потряс головой, отмахиваясь от странного сна. Ганнибал мирно сопел рядом, неразличимый в окружавшей непроглядной тьме. В узкое оконце заглянула одинокая звезда, и в её алмазно-голубом свете Ахеменид сперва смутно, а потом невероятно чётко различил золотые узоры на платье незнакомки с берегов Нила. Гордо выпрямив гибкую спину и надменно взирая сверху вниз на перса, она сидела на том самом кривоногом табурете, на котором недавно сидела хозяйка.

– Ты осквернил мои воды! Осквернил тем, что назвал их мутной лужей, – громко произнесла она. В голосе женщины звучало и ласковое кошачье урчание, и грозный львиный рык.

– Другой воды я здесь не видел, – парировал Ахеменид.

– Это не дает тебе права так отзываться о прекрасном создании Ра.

– Не могу я чёрное именовать белым, а мутное прозрачным в угоду местным обычаям.

Племянник царя Парсы хотел было подняться на ноги, но его остановил холодный, властный взгляд незнакомки.

– Ты должен уважать законы других стран. Тебя учили этому, – подчеркнула она.

– Я был плохим учеником.

Незнакомка была обескуражена, она-то ожидала привычных жалоб и оправданий. Женщина взглянула на иноземца с интересом.

– Анубис говорил мне, что ты не такой, как другие, – тихо промолвила она, – напрасно я не верила.

– Иногда полезно верить людям, – расфилософствовался Ахеменид, – и не только людям.

– Даешь советы богам?! Ничего себе – мания величия!

Арсам старался припомнить, когда уже слышал эти слова. Кажется, от старика, лечившего ещё Кира. Он называл это болезнью всех Ахеменидов.

– У нас это семейное, – ответил гордый перс незнакомке.

– Я могла бы легко избавить тебя от этого...

В голосе женщины прозвучала угроза, как в рычании хищника. Однако перс заметил недоговоренность её фразы, спросил лукаво:

– Могла бы, но...

– Ты, хитрец, приглянулся моему отцу, самому Ра. Ума не приложу, как ты сумел это устроить.

– Может быть, дело в том, что я совсем не хитрец, а наоборот, похоже, самый честный человек в этой стране.

Поднимаясь с табурета, Хатхор сделала грациозное движение, как тянущаяся кошка. Произнесла капризно:

– Вот я и решила уступить любопытству и заглянуть в этот домишко, чтобы посмотреть на тебя.

– В этом домишке живет женщина, которая регулярно возносит тебе молитвы, обрати внимание лучше на неё.

– Нахал!

Львица раздражённо дёрнула хвостом, прыгнула в темноту. Видение исчезло. Комнатка в бедном крестьянском домишке снова была пуста, только Ганнибал мирно посапывал на соломе, рядом с Арсамом.

– Привидится же... – буркнул перс, – вредно мне слушать древние легенды.

Он спокойно улёгся на свое место, и уснул. Больше никаких снов ему в эту ночь не снилось.

Глава десятая ПЕРВЫЙ ЕГИПЕТСКИЙ ДОЖДЬ

Друзья проснулись с первыми лучами рассвета. Но глава семьи уже успел подняться ещё раньше их и, запасшись чёрствой лепёшкой, ушёл в поле. Мать Ганнибала предложила гостю тот же нехитрый завтрак. Перс поблагодарил, но сказал решительно:

– Мне пора возвращаться в поместье номарха.

– Наше скромное жильё пришлось тебе не по нраву? – нахмурился египтянин.

– Не в этом дело, у вас замечательный дом, но... – самоуверенный Ахеменид старательно подбирал слова, – не хочу, чтобы мой иноземный аппетит уменьшал ваши запасы. Пусть лучше на мой прокорм тратится Херихор.

– Вряд ли в отсутствие хозяина слуги этим озаботятся, – усомнился крестьянин.

– Куда они денутся?! – улыбнулся Арсам.

– Но ты зря беспокоишься за наш запас, – воодушевлённо сказал Ганнибал, – очень скоро, благодаря Апису, у нас будет всего вдоволь.

– Вот тогда и приду пировать, – пообещал Ахеменид. – К тому же, у меня есть своя причина, чтоб поскорее вернуться в поместье номарха.

– Причину зовут Анахит? – улыбнулся друг перса.

– Верховный жрец сразу отправится сюда, смотреть на бычка, а семью, разумеется, отправят домой. Какое-то время жена будет без мужа, – лукаво улыбнулся влюблённый.

– Так бы сразу и сказал, – рассмеялся египтянин.

Они вышли из дома и оказались в густой тени деревьев. На земле она образовывала замысловатые узоры, двигавшиеся и менявшиеся от лёгкого ветерка. Арсам задрал голову. На фоне бледно-голубого утреннего неба солнечные лучи золотили края зелёной листвы.

– Ни за что не вырубайте эти деревья, – вздохнул гость. – Знаешь, что я понял здесь у вас? Нам очень повезло, что в горах, к счастью, не растут финиковые пальмы.

– Странные мысли приходят тебе в голову.

– Пожалуй. Так ты покажешь мне дорогу до жилища Херихора?

– Что тут показывать, у нас заблудиться невозможно.

– Это кому как, – усмехнулся Арсам, вспомнив свой первый поход к гробнице номарха.

– Всё предельно просто: идёшь прямо, прямо, сворачиваешь налево, немного дальше поворачиваешь ещё раз...

– И как ты определяешь, где именно сворачивать? Здесь всё такое одинаковое. Ни лишнего деревца, ни камешка.

– А ты считай водные канавки, сперва десять прямо, поворачиваешь, ещё после шестой опять – налево...

– Так вы ходите и всё время считаете, считаете... не надоедает?

– Нам покровительствует бог Тот, придумавший геометрию.

– Похоже, Тот – автор всех ваших премудростей.

– У каждого бога свои заботы, – многозначительно произнёс Ганнибал.

– И каждый старается не взваливать на себя слишком много, – усмехнулся Ахеменид.

Его насмешливый тон зацепил египтянина, и тот живо припомнил вчерашний спор.

– Между прочим, я всё ещё обижен.

– Брось, сегодня другой день и всё другое, – миролюбиво сказал Арсам.

– Как у тебя всё просто! Берёшься судить о том, чего даже не видел и знать не можешь.

– Если ты собираешься снова нахваливать вашу бесподобную реку, то я заранее готов соглашаться. Не хочу больше спорить.

– Ты уступаешь только потому, – кипятился темнокожий, – что не принимаешь меня всерьёз. Смотришь на всех свысока. Ты забыл – здесь, в Египте, ты такой же раб, как и я!

– Такое забудешь, пожалуй, – вздохнул Ахеменид.

– И зря ты пытаешься вести себя как ни в чём не бывало. Для тебя всё изменилось! У нас всё по-другому!

– Не стоит так кричать.

– Может быть, мне тоже хочется быть таким вот легкомысленным царским сыном! – Ганнибал оттолкнул перса, вдруг произнёс тихо и очень серьёзно. – Только в жизни всё совсем не так, как нам хочется.

Не говоря больше ни слова, он развернулся и быстрым решительным шагом пошёл обратно, к своей хижине. Арсам сразу понял, что сейчас ему нужно остаться одному, и не стал догонять друга. Он решил, что сам сможет добраться до владения номарха.

– Десять прямо – поворот, шесть – ещё поворот, – вспоминал он объяснения египтянина.

Перс принялся считать абсолютно одинаковые ровные канавки с водой. Весь сосредоточился на этом занятии, дошёл до десятой, повернул, начал счёт снова...

– Одна, две, три...

Перс не поднимал головы, не отрывал глаз от квадратиков полей, боясь пропустить нужный ориентир. Перед вторым поворотом, он всё же остановился, посмотрел в даль. Арсаму показалось, что он снова попал в удивительный мир грез. Буквально в нескольких шагах от себя он увидел прекрасную Анахит. Женщина смотрела на него удивлённо, но удивление влюблённого было гораздо выразительней. Он был просто поражён. Замер и с глупым восторгом смотрел на любимую. Она заговорила первой:

– Что ты здесь делаешь? Муж ведь приказал доставить его сундук в Мемфис.

– Это невозможно, – пожал плечами верный раб номарха.

– Почему же?

– Сейчас он лежит глубоко на дне Великого Нила. Если только бегемоты его не растащили.

– Шутки здесь не уместны! – строго сказала Анахит. – Этот ящик действительно очень важен для великого номарха.

– Я говорю только правду, – возмутился зороастриец. – Видно демонам, которых вы зовете богами, так захотелось.

– Если сундук потерян, вам не избежать наказания.

– Так ты беспокоишься обо мне? – влюблённый шагнул к ней. – Я счастливейший из смертных.

Уверенный, что во сне ему можно все, Ахеменид хотел обнять Анахит, она резко отстранилась и с размаху дала ему пощёчину.

– Так это не сон! – убедился влюблённый.

– Странный ты человек, – рассмеялась женщина, – то утверждаешь, что умер, то спишь на ходу.

– Я бы сам назвал себя не только странным, но просто сумасшедшим, если б мне раньше рассказали обо всём, что со мной произойдёт в этой стране.

– И что ж такого у нас невероятного было? – любопытствовала красавица.

– Я влюбился.

– Разве это безумие?! – покачала головой Анахит. – Хотя, ты прав: влюбиться в жену верховного жреца и номарха мог только сумасшедший. Нам не стоит об этом говорить.

– Жаль, мне хочется говорить только о любви.

Женщина нахмурила брови:

– Вот, ты опять. Если не перестанешь, я просто уйду.

– Нет, нет, я буду делать всё, что ты прикажешь. Говорить о другом, так о другом, – с улыбкой согласился перс. – Если всё происходящее – реальность, объясни, откуда ты здесь и почему одна. Ведь муж увёз тебя в Мемфис.

– По реке новости долетают быстро, тем более, что мы не успели отплыть далеко. Херихор решил на берегу дожидаться свой сундук. Но вместо медного ящика нам принесли новость о рождении телёнка – Апеса. Муж сразу засобирался, не хотел даже ночевать на суше. Я еле его отговорила плыть ночью. Зато он поднялся ни свет ни заря и сразу бросился проверять: настоящий ли Апес родился. А меня, сына, старуху-мать и всех слуг отправил в поместье.

– Значит, Херихор со всех ног спешит туда, откуда я сейчас иду.

– Ты видел волшебного телёнка? – взволнованно спросила Анахит.

– Может, он и волшебный, – не стал спорить Арсам, – но родился он вполне обыкновенным способом.

– Откуда ты знаешь?

– Я имел к этому некоторое отношение, – поскромничал Ахеменид.

– А мне ужасно любопытно хоть одним глазком взглянуть на этого чудо-теленка, – призналась Анахит. – Херихор ни за что не взял бы меня с собой. Вот я и решила пробраться туда незаметно.

– Это объясняет твоё неожиданное появление на этой тропинке.

– Скажи, ты видел у Апеса все положенные признаки?

– Откуда мне знать, каким он должен быть?!

– Но ты видел у него на спине белого орла?

– Пятно между лопатками вполне можно принять и за орла. Было бы желание.

– А на лбу у него пятнышко есть?

– Он вообще странный, не удивительно, что корова едва не сдохла, родив это чучело. Мне всё ещё непонятно, зачем в храме держать быка.

– Как объяснял мне муж, Апес помогает жрецам делать предсказания будущего.

– Интересно – как, – рассмеялся Арсам, – неужели шепчет им на ухо?

– Нет, конечно, – улыбнулась жена номарха, – жрецы толкуют его движения.

– Как хотят, так и толкуют?

– Они всё делают по старинным свиткам с точными описаниями всех движений быка и их значений.

– Похоже, – перс сделал озабоченный вид, – именно эти свитки и хранились в медном сундуке Херихора. Надеюсь, за столько лет он выучил их содержание наизусть, иначе...

– Иначе?.. – обеспокоилась Анахит.

– Иначе ему придется спрашивать подсказки у бегемотов и придонных рыб.

– Ты всё шутишь, а мне вовсе не смешно, – серьёзно произнесла женщина, – если священные свитки действительно на дне реки, муж будет в бешенстве! И устроит нам всем страшную жизнь.

– Тогда тебе нельзя идти к нему одной! – заявил влюблённый. – Я провожу тебя.

– Ни в коем случае! Так получится ещё хуже.

Помрачневшая жена Херихора холодным жестом велела персу идти своей дорогой. А сама, глубоко задумавшись, побрела к хижине Ганнибала. Влюблённому не хотелось отпускать Анахит, он так и стоял, смотря ей вслед. Отойдя всего несколько шагов, она обернулась к Арсаму:

– Эй, ты ведь неправильно идёшь, эта дорожка не приведёт тебя к владениям номарха.

– Но ты ведь шла по ней.

– Я нарочно делала большой крюк, чтобы домашние не догадались, куда я иду.

– Выходит, я сбился со счёту. Поля все такие одинаковые. Так сколько нужно отчитывать теперь?

– Надо свернуть направо после пятого канала.

– Как громко вы именуете свои грязные канавки, – усмехнулся перс.

– И как ты умудряешься заблудиться на ровном месте?! – парировала женщина. – Иди и будь внимательнее, и лучше поторопись. Если телёнок действительно соответствует всем требованиям, жрец проведёт специальный обряд и после него обязательно должен пойти дождь.

– Спасибо за заботу, – улыбнулся влюблённый.

Анахит собралась продолжить свой путь, но снова задержалась, помедлила и всё же спросила:

– У тебя перевязано плечо? Это мой муж тебя ранил?

– Ему бы хотелось меня убить, но он плохой стрелок. Всё уже давно зажило.

– Какой же Херихор дурак, – вздохнула женщина.

Не сказав больше ни слова, она пошла прочь, даже прибавила шагу, словно стараясь быстрее убежать от своих грустных мыслей. Только убедившись, что на этот раз она не передумает и не вернётся, Ахеменид

отправился дальше. Точно последовав совету жены номарха, уже очень скоро он оказался возле бассейна во дворе поместья Херихора. Напрасно перс надеялся проскользнуть незамеченным. Он нос к носу столкнулся со старой матерью жреца. Она смерила его цепким, неприязненным взглядом и разразилась длинной тирадой. Слова старуха выкрикивала резко и картаво, словно лаяла на иноземца. Произносила их так странно и неразборчиво, что, несмотря на все уроки Анахит, Арсам не мог ничего разобрать. Он готов был махнуть рукой на возмущение старухи, но среди её неясных звуков промелькнуло имя его любимой. Для того, чтоб вредная мать Херихора не заметила долгого отсутствия невестки, Ахеменид решил терпеливо отвлекать её внимание на себя. Старуха расплывалась всё больше. Дополняла свой лай визгом и угрожающими жестами. Она даже принялась топтать ногами, совсем так же, как её сынок. Не хватало только попытки сломать палку об колено. На её вопли из дома выбежал худощавый сынок номарха. Он принялся успокаивать свою бабушку, а та выхватила у него из-за уха торчавшую там кисточку для письма и, изломав изящную вещь в мелкие щепки, швырнула под ноги иноземцу. Сын номарха принялся объяснять требования Убаинер. Он старался произносить слова медленно, и персу удавалось понимать хотя бы через одно.

– Хенуу... подчиняться... как все... всегда... хозяин... приказ... я... я... я...

Арсам перестал вслушиваться в гнусавый голос подростка, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться. Видели бы египтяне сами себя. Тоже смеялись бы вместе с ним. Парочка хозяев выглядела довольно неприглядно, очень открытые египетские наряды не скрывали, а лишь больше подчеркивали их худобу и костлявость. Длинные сморщенные, как сушёный финик, руки матери Херихора немногим отличались от удивительно худых, но с непомерно крупными суставами, конечностей его сынка. Обезображенное гневом лицо старухи сильно напоминало изображение смерти на старинных фресках. Вопреки ожиданиям Ахеменида, она не успокаивалась, а лишь распалась всё больше.

«Когда же это всё кончится?» – невольно подумал Арсам.

Словно в ответ на его мысль с ещё недавно безоблачного неба полились прозрачные свежие струи дождя. Казалось, кто-то развесил всюду тонкие водяные нити. Не захотев мокнуть, старуха резко захлопнула рот и поспешила укрыться в доме. Ловкий внучок успел опередить её. А перс с удовольствием подставил лицо тёплой влаге. Даже рот открыл, ловя дождевые капли. Рассматривал почти прозрачные рваные облака. Арсам пригладил намокшие волосы, он наслаждался первым в его жизни африканским дождем. Но облака быстро рассеялись, высокое ясное солнце вновь стало припекать, мгновенно высушило

попавшие на кожу капли. Перс вздохнул и отправился в свое обычное укрытие от дневного зноя.

Входя в комнату с двумя столбами, он дружески подмигнул стоявшему на полу каменному идолу. Большеротый карлик остался неподвижен, как и подобает камню. Арсам привычно уселся у стены и очень скоро заскучал без собеседников.

– Вот уж не думал, что мне так будет не хватать любителя обижаться и жаловаться, – вздохнул Ахеменид, – скорей бы вернулась Анахит, пожалуй, мне стоит всерьёз заняться изучением местного языка. Хотя... точно понимать все проклятия, которые сыпят на мою голову Херихор и его мамаша, мне вовсе не хочется.

Решив обратиться к приятным воспоминаниям, влюблённый стал перебирать в памяти подробности своих встреч с женой номарха, каждое сказанное ею слово, каждый взгляд и жест. Арсам улыбался этим воспоминаниям.

Резко одёрнув циновку, к нему подбежал запыхавшийся лысый слуга номарха. Он торопливо принялся что-то объяснять, обеими руками указывал на выход.

– Быстро, быстро идти, – повторял он, – работать, работать.

– Мои хозяева – хорошие люди, – усмехнулся Ахеменид, – вон как заботятся о том, чтобы я не скучал.

Следом за слугой он пересёк двор, обошёл бассейн и вошёл в дом Херихора. Бывшие ещё недавно совсем пустыми, коридор и большой зал были тесно заставлены сундуками и коробами.

– Неужели всё это номарх увозил с собой в Мемфис?! – усомнился перс. – Какого же размера должна быть его ладья!

Навстречу вышла всё та же костлявая старуха. Она глянула на Ахемениду так, словно хотела убить одним взглядом. В ответ самоуверенный зороастриец только улыбнулся.

– Ну, чем помочь, бабуся?

Слов она не разобрала, но, услышав в интонации раба насмешку, налилась ядом и закашлялась, будто сама себя отравила. Подоспевший внучок стал лупить мать Херихора по спине кулаком.

– Милое семейство! – усмехнулся Арсам.

Ещё продолжая надрывно кашлять, старуха Убаниер указала костлявым пальцем на груды ящиков у самого входа и прокаркала что-то непонятное. Но перс догадался, что всё нужно расставить по своим местам.

– Можно подумать, ей для этого не хватило бы египетских слуг, способных разбирать её речи, – возмутился перс.

Внук повторил приказание старухи чуть более членораздельно. И лысый сразу схватился за громадную ближайшую корзину. Он пыхтел и пыжился, тянул изо всех сил и всё же не мог сдвинуть груз с места. Не

торопясь, Арсам отправился ему на помощь. Слабосильный египтянин был полезен только тем, что понимал мудрёные приказы хозяйки. И направлял перса туда, где она хотела видеть свои сундуки и корзины. Но даже ему было очень нелегко угодить старухе. То и дело она указывала пальцем в левый угол, и кричала:

– Туда!

А дождавшись, пока груз затащат в угол, недовольно морщила нос и указывала на противоположную стену.

– Нет, туда!

Когда сундук устанавливали у стены, присмотревшись, погрузившись в размышления, пожевав губами, она снова недовольно морщилась.

– Нет, туда!

Костлявый палец вновь указывал на пустой левый угол, она начинала браниться и брызгать слюной.

– Туда, туда, быстро!

Слуги покорно подчинялись и таскали тяжеленные ящики туда-сюда, стараясь угодить капризной хозяйке. Перс косился на расположенную в углу узкую лестницу на второй этаж, опасаясь, что матери Херихора придёт в голову поднимать груз наверх. Кроме Арсама и лысого, разбор вещей были заняты ещё четверо. Это только добавляло суеты и неразберихи, а порядка в доме всё не прибавлялось. Все успели изрядно замучиться и устать, а мать Херихора утомилась больше всех. Наконец уборка надоела ей окончательно. Громко обругав нерадивых слуг, старуха ушла куда-то в дальнюю комнату. Немного помедлив, постояв в задумчивости, внук последовал за ней. Убау сразу расселись прямо на полу, даже глаза прикрыли с видом крайнего изнеможения. Арсам с удовольствием уселся на край большого ящика, очень похожего на тот, что они с Ганнибалом утопили в реке, только он не был снабжен удобными ручками для переноски.

«Тоже, небось, какие-нибудь жреческие атрибуты», – подумал перс. – Может быть, Херихор и не заметит отсутствия одного ящика, – тихонько сказал он вслух.

– Напрасно надеешься, – услышал влюблённый за спиной мелодичный голос Анахит, – муж отлично помнит, чем набит каждый его сундук.

Арсам повернулся к улыбавшейся женщине, открыл рот, чтобы спросить, не заметил ли её Херихор, а она воскликнула:

– Смотри, вон она!

И легко скользнула мимо него. В тот самый уголок, который не давал покоя матери номарха. Анахит наклонилась и подхватила с пола белую кошку. Худую, изящную, с гладкой блестящей шерстью, большими ушами, длинными лапами и хвостом. Так не похожую на толстых пушистых увальней, бродивших по гарему матери Арсама.

– Это моя любимица, – сказала жена номарха, – я назвала её Баст, в честь богини-кошки Бастет.

– Ещё одна богиня, – устало вздохнул Ахеменид.

Кошка недовольно дёргала хвостом, не хотела спокойно сидеть на руках. Анахит отпустила её на пол, погладила гладкую спинку. Баст заурчала, но стремительно юркнула куда-то за большую корзину.

– Она боится мужчин, – объяснила хозяйка кошки. – Видел бы ты, как Баст исцарапала и покусала Херихора. Она его терпеть не может.

Любопытное животное выглянуло из своего укрытия, прислушиваясь к разговору; при одном упоминании имени номарха, выпустила когти, зашипела. Успокоившись, тёзка богини решила выбраться из-за корзины. Грაციозно вышагивая, приблизилась к персу и, к его немалому удивлению, принялась тереться об его ногу. Женщину такое поведение её любимицы поразило и смутило. Только чтоб это скрыть, Анахит рассмеялась:

– Ты пришёлся ей по вкусу. Давай проверим, насколько моя недотрога решила тебе доверять. Идем.

Она повела перса в соседнюю комнату, где в укромном уголке, за очередным обитым медью сундуком, скрывалась маленькая корзинка. Из неё слышался тоненький писк. Арсам заглянул в тёмный угол, корзинка была полна крохотными разноцветными котятками. Грозная мамаша Баст спокойно и весьма благосклонно взирала на всех с высоты медного ящика.

Оглавление

Глава первая ПОД СОЛНЦЕМ ЕГИПТА.....	4
Глава вторая ПРИХОТИ БОГОВ.....	9
Глава третья ДОРОГА К ГОРОДУ МЁРТВЫХ.....	15
Глава четвёртая РАБСКИЙ ТРУД.....	22
Глава пятая ЗОЛОТОЙ ГОРОД.....	31
Глава шестая НОВАЯ ЖИЗНЬ.....	42
Глава седьмая РЕАЛЬНОСТЬ.....	50
Глава восьмая ЕГИПЕТСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ.....	58
Глава девятая ЛЕГЕНДЫ И СНЫ.....	66
Глава десятая ПЕРВЫЙ ЕГИПЕТСКИЙ ДОЖДЬ.....	73

От издателя

Роман Анны Чернышевой «Чужие боги», разумеется, написан как единое целое, но возможности издателя позволили издать этот роман только таким образом – в трёх частях. Надеюсь, это не помешает читателям романа воспринимать его так же, как он написан, – единым целым.